

В. Р. Алексеев

ЯНГА **(таежная повесть)**

*Девочка милая, долгой разлукою
Время не может наш сон победить:
Есть между нами незримая нить.*
Максимилиан Волошин

*Помни о всеобщем естестве, к коему ты такой
малостью причастен, и о всецелом веке, коего
краткий и ничтожный отрезок тебе отмерен, и
о судьбах, в которых какова вообще твоя часть?*
Марк Аврелий Антонин. Размышления.
Книга пятая. II век до н. э.



Эту повесть я написал на склоне лет, после того, как побывал в местах дорогих и с детства знакомых – там, где многие годы жил и работал мой отец, сборщик пушнины, где я встретил человека неординарной судьбы и его юную дочь, красавицу Янгу. Время неумолимо. Оно все расставляет на свои места, оправдывает или осуждает, и все же остаются вопросы, на которые нет ответа, хотя они и являются предметом ожесточенных нравственных дискуссий на протяжении многих лет и веков. Человек всегда склонен приукрасить себя, оправдать свои поступки. В этом отношении мой рассказ не исключение. Но не это главное. Я вижу свою миссию, прежде всего, в том, чтобы воскресить образы простых людей, отразившихся не только в моей памяти, но и в зеркале тех далеких времен и исторических событий.

Землянка

Тридцатого декабря 1953 года вечером, досрочно сдав экзамены за первую сессию первого курса института, я сошел с поезда «Благовещенск – Москва» на станции Большой Невер, чтобы к Новому году попасть в Чульман, в дом моих родителей. Самым надежным местом сесть на попутку была заправочная станция, где вечно торчали пассажиры, отправляющиеся на Север, в Якутию. Конечно, я опоздал. Все водители, кто хотел провести праздник в кругу семьи, уже давно поставили машины в гараж и наряжали елку. Ну кто поедет в дальний рейс в это время, рискуя застрять в пути из-за непогоды или поломки? Надежды мои таяли с каждым часом, а под утро совсем исчезли. Грустный, невыспавшийся, сидел я на лавочке против окошка заправщицы в пропахшем мазутом тамбуре, куда заходила шоферская братия, чтобы сдать талончики на бензин. Мне уже рисовалась безрадостная картина железнодорожного вокзала – надежного убежища молодого человека без денег, плохо одетого и голодного. И вдруг в сторожку быстро вошел гладко выбритый мужчина лет тридцати пяти:

– Лидочка, привет! С Новым годом! Заправь-ка быстренько мою подружку!
Он бросил взгляд на мой дермантиновый чемоданчик, произнес:

– Ты в Алдан? Я только до Чульмана.

О-о, мамочка, есть же Бог на свете!

– Мне до Чульмана.

– Поехали.

«Вот уж повезло, так повезло», – думал я, усаживаясь в кабину ГАЗ-51, только что сошедшего с конвейера Горьковского автомобильного завода. Повезло ли? Увы, судьба изменчива...

Около половины пути мы проехали быстро, спокойно, примерно за 6 часов. Встречных машин почти не было. Николай – так звали водителя – весело болтал о том – о сём, нажимал на педаль, не жалея машину – торопился к новогоднему ужину. Даже в Тынде не стал обедать, только забежал в столовую, купил несколько булочек и налил в термос горячего чая. Я же ограничился бутербродом, оставшимся с вечера, съев его, пока шофер управлялся с покупками.

От Лапри дорога пошла в гору, на Становой хребет. Мы еще не достигли середины затяжного подъема, как началась поземка. Ветер нес ледяные кристаллы струящимися полосами вдоль склонов гор, выносил их в широкую накатанную колею и сбрасывал за обочину клубящимися вихрями. Иногда снежные потоки совпадали с нашим движением и тогда они вилияли перед машиной, стелились широким живым ковром. Нагорные кюветы быстро заносило морозной пылью, языки плотного снега все чаще ложились поперек дороги. Скорость машины снизилась, мы молили бога, чтобы не начался буран, хотели быстро проскочить самый заносимый участок на вершине хребта. Опасения оказались напрасными: на гребнях гор снег проносился усилившимся ветром через приподнятую часть трассы – это был один из только что реализованных дорожниками эффективных способов борьбы со снежными наносами. Оставался небольшой отрезок пути перед спуском в долину Тимптона, откуда рукой подать до цели нашего маршрута – чуть более 100 километров. Эта часть дороги редко подвергалась заносам.

Стемнело. Водитель зажег фары. И тут снежная буря накрыла нас своими могучим крылом. Видимость резко ухудшилась, колеса стали вязнуть, пробуксовывать в сухой снежной массе. Все чаще приходилось вылезать из кабины – откапываться. Наконец, машина уперлась в свежий сугроб и встала.....

– Все! Приехали!... Тьфу-у!

Николай выключил мотор и, крепко выругавшись, погасил свет. Отчетливо стало слышно завывание ветра и удары снежных зарядов в стенки кабины.

– С Новым годом, молодой человек!... Ну и влипли... Что же делать-то будем?

– Надо в дорожную будку идти, пока дорогу совсем не замело.

– Чего городишь? Какую будку? – занервничал водитель. Видимо, он недавно стал работать на трассе, еще плохо ориентировался.

– Да вот, мы только что проехали – дом на склоне горы, по ту сторону ручья. Там должны быть люди, дорожные рабочие. Это будка Якут. Раньше здесь семья жила. Правда, света в окнах не было. Может быть они в Нагорный уехали?

Я хорошо изучил Амуро-Якутскую магистраль (АЯМ), проезжал по ней десятки раз в разное время года, помнил каждый поворот, каждый мостик. Такова уж память молодых людей. Мне и сейчас представляются те места в деталях. А тогда точно знал – до жилья не более двух километров.

В кабине резко похолодало.

– Ну что... Тут мы скоро окочуримся. Пойдем, что ли, в твою будку.

В темноте, почти на ощупь, наваливаясь на плотный обжигающий ветер, мы стали медленно продвигаться по снежным застругам, между которыми еще оставались участки твердой накатанной поверхности – по ним ориентировались, чтобы не угодить в беснующийся целик. Где-то минут через сорок на нас, продрогших и залепленных хлопьями снега, с нагорной стороны дороги надвинулась стена деревянного здания. Двери и окна дома были заколочены, а стекла выбиты. С трудом отодрали прибитые к косякам доски, через

сени проникли в жилое помещение, чиркнули спичкой. Увы! Все оно почти наполовину было занесено снегом. Кирпичная печь на кухне оказалась разрушенной: кому-то срочно потребовались чугунная плита и дверца топки – их безжалостно и грубо выломали. Не было даже стола.

Николай вновь зло выругался.

– Вот так сюрприз! Теперь и до машины не добраться... Попали в западню...

Я обошел вокруг дома – никаких признаков жизни. Стало жутко от создавшейся ситуации. И вдруг мне почудился явный запах дыма. Что это? Откуда? Другой избы здесь не было. Я прислушался, затем начал громко кричать.

– Ты чё орешь? – возмутился шофер, подавшийся на крик.

– Тут есть кто-то живой, дымом пахнет.

Оглядевшись, мы увидели с нагорной стороны слабо мерцающий огонек, затем услышали глухой звук:

– Э-э... Э-э...

Вдруг раздался выстрел, увязший в снежной мгле. Напряжение сразу спало. Ну, все, значит, не замерзнем, не пропадем... Пошли на свет и вскоре увидели фигуру человека в белом. Он был ... босиком и как будто вырос из-под земли. Не чертовщина ли? Нет, нет – перед нами в исподнем стоял живой человек.

– Заходи... Заплутали, что ль? – спросил он хриплым голосом и скрылся за низкой дверью, обитой оленьей шкурой.

Это была землянка с крохотным оконцем, почти не различимая на фоне снежного покрова. Видимо, дорожники использовали ее как холодильник и как склад для продуктов. Над землянкой торчала короткая труба, из которой вырывались и тут же гасли снопы искр. Мы едва втиснулись в это помещение, рискуя сдвинуть раскаленную жестяную печь. Сели на нары, что были устроены вдоль стены из тонких бревен, огляделись. В свете коптящего жировика на нас смотрел худой, изможденный старик с седой всклокоченной бородой.

– Ты как здесь оказался, дед?

– Больно любопытные... Чё ж тогда по пурге шастаете? Сидели бы в своем газике.

Дед явно слышал, как час назад мимо его обители прошумела последняя машина. На слух угадал, какая. Знал, видимо, и состояние дороги, и проезжей в это время, оттого и пальнул из ружья, ожидая нас и услышав мой крик.

Да-а, мы действительно попали в критическое положение. Но могло быть и хуже. Сейчас, по крайней мере, тепло, хотя и не уютно. Старик так и не объяснил причину своего пребывания в столь необычном месте, не назвал и своего имени: дед да дед – так его и стали звать. Он был неразговорчив, сам ничего не спрашивал, на наши вопросы отвечал односложно, с неохотой, а то и просто молчал. Почти каждую минуту его потрясал сильный кашель, при этом он часто сплевывал мокроту в темный угол.

Буря, то затихая, то усиливаясь, продолжалась трое суток. Все это время мы провели в землянке, потев от жары и замерзая от холода, когда гасла печь. Спали на земляном полу, не раздеваясь, лишь изредка выходили за горбылями, которые откапывали на дрова у дома. Еще накануне нового года доели булочки, угостив хозяина, затем перешли на его довольствие: пекли в чугунной сковородке лепешки из серой муки и жарили мороженую картошку на прогорклom растительном масле, напоминавшем расплавленный солидол. От этой пищи к горлу подступала нестерпимая тошнота. Мучила теснота и безделье. Однако деваться было некуда, пришлось смириться с обстановкой и мужественно ждать окончания пурги. Освобождение пришло к концу третьего дня – колонна снегоуборочной техники из Нагорного шла по трассе, расчищая заносы. Как только мы услышали гул машин, торпливо попрощались с дедом и побрели к газике по снежной целине.

Не думал я тогда, что дед – эта колоритная и загадочная фигура – еще сыграет в моей жизни заметную роль, и что драматическая судьба его станет предметом моего пристального внимания и интереса.

Чульман



Весной 1957 года мне удалось договориться с руководством Южно-Якутской комплексной экспедиции о прохождении в ее составе преддипломной геологической практики. Моя будущая профессия напрямую не была связана с этой отраслью знаний, но я давно интересовался ею, много читал учебной и научной литературы, особенно по вопросам геоморфологии и четвертичной геологии. Достать справку-направление в деканате не представляло большого труда, тем более, что я недавно был избран председателем научного студенческого общества, уже имел две опубликованные статьи, считался перспективным начинающим ученым. Мне хотелось забраться куда-нибудь к черту на кулички и поработать самостоятельно в течение всего полевого сезона. Такая возможность представилась – техников-

геологов в экспедиции не хватало, да и желающих на полгода оторваться от семьи было не густо. Начальник геологической партии Иван Березкин, низенький плотный якут, известный специалист в области геологии россыпей, предложил мне поехать на Бурпалу – старый заброшенный прииск, расположенный у подножья горного массива Бруингра. Там велась доразведка месторождения, но не закончилась по каким-то объективным причинам.

На Бурпале предстояло пройти несколько десятков шурфов по заданным ранее линиям, описать вскрытые разрезы и отобрать шлиховые пробы для анализа. Работа эта для меня была хорошо знакома: в прошлом году я все лето провел на Кабактане в полевой партии Березкина, помогал начальнику отбирать образцы золотоносных песков, описывать разведочные шурфы. Дальняя поездка привлекала самостоятельностью, неплохим заработком (моя материальная база целиком зависела от летних контрактов), а также возможностью изучить строение мерзлых горных пород и подземных льдов, которыми я увлекся в то время.

В середине апреля я освободился от экзаменов и прибыл в Чульман – районный центр бывшего Тимптонского района ЯАССР, где базировалась ЮЯКЭ. Березкин сразу взял быка за рога:

– Так, Владимир! На Бурпале будешь работать с Корякиным. Он опытный горняк-лотошник, живет там один со своей дочкой, зачислен в штат как сторож базы и как проходчик. Будь с ним осторожен. Он 10 лет в лагерях отбухал. Горячий человек, сам знаю. У него есть старая лошадь, если жива еще, конечно. Место рыбное. Зверь в горах водится. Срочно оформляйся в первом отделе, ознакомься с нашим прошлогодним отчетом, получи карты, рацию. Приказ уже подписан. Сдай экзамен по технике безопасности – без этого никуда. Подготовь снаряжение, продукты на троих – на все про все неделя, понял? 24 апреля на Алгаму уходит последний караван оленей из Золотинки, поедешь с ним. Опоздаешь – прощай поле! Сегодня звонил Лиханову, каюру, тебе выделяют три грузовые нарты. Сам пешком пойдешь. Все! Вперед! Да-а.... Если что, ищи меня, я здесь – по делам мотаюсь....

Начались настоящие скачки по инстанциям, складам и базам. Кто из полевиков не знает этот волнующий, напряженный период с беготней, спорами, руганью... Впрочем, мне повезло – наступала распутица, геологические партии и отряды уже были на месте, так что все обошлось благополучно – к назначенному сроку я прибыл на центральную усадьбу оленеводческого колхоза «Новая жизнь» (пос. Золотинка).

Обоз состоял из 28 нарт (в том числе три – мои), запряженных 56 оленями. Имелись и запасные животные. Нарты обслуживали 5 каюров-эвенков, один из них, Лиханов, был старший. С караваном ехал сопровождающий – представитель экспедиции и заведую-

щий складом РайПО из Сутама, куда предназначалась часть груза. Эти двое имели свои легковые санки. Сборы были долгими, шумными. Выехали после полудня и проехали не более 10 км. Ночевали в долине Колбочи, у небольшой наледи, где стояли две пустые палатки, видимо, специально оставленные каюрами для этой цели. Вечером продолжали пить спирт, закусывая рыбными консервами и тушенкой, а утром опохмелялись, кричали на собак, много раз кипятили воду на чай и долго-долго собирали оленей. Так продолжалось все четыре дня, пока мы не добрались до Бурпалы. Должен заметить, что путь этот был непростой. Днем сильно пригревало, снег местами уже сошел, а по руслам рек поверх льда текла вода. Кое-где нарты пришлось тащить прямо посуху или делать большие объезды. Переправу через Тимптон искали довольно долго, пока на обнаружили обсохший тороситый лед на одном из перекатов. Я недоумевал: как же караван будет двигаться дальше – снег катастрофически таял, нартовая дорога превращалась в болото, а впереди еще не менее 200 км. Но каюры были спокойны, видимо, на что-то рассчитывали. Всю дорогу, и еще ранее, в Золотинке, они то и дело упоминали имя какого-то уважаемого человека. Говорили по-русски с эвенкийским акцентом:

– Егор Данилич эскасал... Егор Данилича поросил... Вот приедем к база Егор Данилича....

Вскоре мне стало ясно, что это тот самый Корякин, с которым мне предстоит жить и работать на Бурпале.

Знакомство



Верст за десять до цели моего путешествия пошел густой мокрый снег. Он опускался на землю мягко, бесшумно, как будто с неохотой. Тени исчезли. Через полчаса все проталины скрылись под белым покрывалом, кусты и низкие корявые деревья надели ватные рукава – пейзаж преобразился. Воздух стал легким, недвижимым, но ощущался своим всепроникающим действием: улучшал настроение, снимал тревогу – такого никогда не бывает после летних дождей. Зимняя дорога едва угадывалась по широкой темной полосе, оставленной впереди идущим караваном. Я со своими оленями шел сзади, приотстав на 10 – 15 минут, изредка подсаживался на нарты при спусках и любовался возникшими снежными фигурами. На душе было спокойно и благостно. Спешить было не куда. Вдруг впереди послышался лай

собак. Упряжка прибавила ходу, и вскоре из снежной пелены показался барак с двумя окнами, окруженный сгрудившимися животными вперемежку с санями. Оленей уже распрягли, приехавшие люди толпились у входа, о чем-то бурно беседуя с хозяином дома по эвенкийски. Я привязал повод к одной из нарт, подошел к Лиханову. Тот вскинул руки.

– О-о..., Егор Данилич! Тебе начальник приехал. Болодя Русакоп – сын зам. переседателя Райпо.... Наберно, знаешь, да?

Передо мной стоял рослый костлявый старик в накинута на плечи телогрейке, с короткой седой бородой, без шапки. Что-то хорошо знакомое показалось мне в его облике.

– Здравствуйте! – сказал я, протягивая руку, стараясь выглядеть как можно солиднее.

– Здравствуй, начальник! С прибытием! На полный сезон? Али как?

– Да, до осени. Шурфовать будем.

– Ну, ну... Продукты-то привез? Мы голодаем тут...

– Привез, конечно. Все, что нужно привез... А ведь мы с Вами, однако, знакомы. Помните, на Становом я у Вас с шофером в землянке жил трое суток? В Новый год, пурга еще была.

– Не припомню чтой-то... Мало ли на пути людей стрелось...

Не может быть, чтоб не помнил. Или не захотел признать? Впрочем, больше трех лет прошло. Ну да ладно – нет, так нет. Дальше видно будет!

Только сейчас я заметил, что невдалеке от группы людей, на нарте с грузом сидела девушка лет семнадцати и с аппетитом ела ломоть белого хлеба.

– А это дочка Ваша? – кивнул я в ее сторону.

– Чё с того?.. Не гони, начальник? Проводим гостей – ознакомимся. Энти нарты то наши? Давай, разгружать будем. А вы располагайтесь, – бросил он каюрам позвенкийски. И начал развязывать узлы на тюках и ящиках.

Так началась моя новая таежная жизнь на Бурпале.

Вечером, как я и ожидал, состоялась грандиозная пьянка. Сварили большой казан бараньего мяса. Поставили вариться еще один. Да-да, именно бараньего мяса, а не оленьего. Тогда баранину везли на Север колоннами машин. Оплывшие жиром, забыгавшие, рубль сорок – рубль шестьдесят за килограмм, туши животных лежали штабелями на складах райпо и продснаба. Зачем губить оленей? Вот он, дешевый и вкусный продукт... Так было.

Расположились не за столом, что стоял у окошка, а прямо на полу, расстелив шкуры и спальные мешки (у кого были) по кругу. Раскрыли жестяные коробки со скумбрией и печенью трески, накромяли оттаявшую краковскую колбасу. Разлили по кружкам спирт. Гомон, гул, плотный сизый дым от махорки и папирос, блики огня от затопленной железной печи, кислый запах портянок, тусклый свет двух керосиновых ламп... Здесь же и уснули, охмелев. Только хозяин, Егор Данилович, да я, легли на нары, что были устроены вдоль стен, а девушка скрылась в углу, за ситцевой занавеской. Что делать? Подобную картину я не раз наблюдал на таежных полустанках. Это был нормальный вечер одинокого приюта на безмянном пути к заброшенным приискам Сутама, Учюра и Алгамы, некогда гремевшим на всю Сибирь и Дальний Восток.

Поутру захлопала дверь, обитатели избы кряхтели, ворочались, громко и надсадно кашляли. Потом по-одному, нехотя поднялись, собрали постели и молча, присев на корточки, пили крепкий кирпичный чай. Снегопад кончился. К полудню небо очистилось. По голубому своду с юго-востока, из-за становых гор неслись остатки сиреневых лохматых облаков, а между ними ослепительно сияло весеннее солнце. Вокруг была самая настоящая зима. Но вот брякнул колокольчик (ботоло), другой, третий – кто-то из каюров собрал и привел к дому все оленье стадо. Собаки радостно взвизгивали наблюдая, как их хозяева ловко пристегивали постромки на шею животных, цепляя за нарты. Наскоро закусив холодным мясом, каюры попрощались с дедом и тронулись в дальнейший в путь. Мы остались одни.

Наступал канун 1-го Мая. До всенародного весеннего праздника, одного из самых почитаемых событий того времени, оставалось три дня. После отхода каравана я первым делом распаковал походную радиостанцию. Она питалась от кислотного аккумулятора, а на случай, если он выйдет из строя, имелось магнето на козлах, с помощью которого вырабатывался постоянный электрический ток. Для этого надо было крутить съемную ручку. Я установил рацию на столе, подключил клеммы, одел наушники и послал через микрофон первый сигнал:

– Арион, Арион! Я – Бурпала, я – Бурпала. Как слышите? Прием.

Это была проба, проверка аппаратуры. Все оказалось в порядке. Первая связь должна состояться завтра, в понедельник, в 8 часов утра, и далее – каждый день, пока не встретимся в эфире и не условимся о режиме дальнейшей работы. Егор Данилович и его дочка, до сих пор не замечавшие меня, вернее, делавшие вид, что не замечают, теперь сидели напротив и внимательно следили за моей работой. Мне тоже пока не было возможности заявить о себе в полной мере. Убрав рацию со стола, я достал из ящика радиоприемник VEF, пошарил по шкале, убирая треск электрических разрядов, и вдруг по бараку разлилась мелодия старинного вальса в исполнении духового оркестра. Большого эффекта мне и не было нужно: девушка соскочила с нар и громко захлопала в ладошки, закрутилась, запрыгала. Да и дед оживился, поднялся, стал поправлять постель.

– Ну вот, а теперь давайте знакомиться, – я приглушил звук.

Старик сел за стол. Рядом с ним, на нарах же, подперев подбородок кулачками, устроилась дочь. Ее пристальные, чуть раскосые голубые глаза не отрывались от моего лица.

– Меня зовут Володя, Владимир Григорьевич Русаков. Назначен начальником участка. Мы будем бить шурфы и отбирать пробы на золото. Вот документы, вот копия приказа.

– Меня ты знаешь – Егор Данилыч я, Корякин. А это Янга, доча – немая она..., совсем не говорит.

Удивление на моем лице, видимо, отразилось столь явно, что Корякин сердито бросил:

– Ну, чё уставился? Говори, что делать надобно!

Я быстро оправился.

– Да нет, все в порядке. Нам нужно, прежде всего, определить распорядок дня, спланировать работу – от этого зависит выполнение нашей задачи, вся наша жизнь. Ну и, конечно, разобрать продукты, снаряжение, прибраться, приготовить инструменты... Давайте, начнем с жилья. Мне нужно отдельное рабочее место в избе, *хавалкит* по-эвенкийски, так, да? – решил я блеснуть знанием местного языка, – для материалов, рации, для приборов и обработки данных. Вот тут, в правом углу, оборудуем «кабинет». Там, у печи, будет кухня. Здесь – прихожая. В жилье должно быть чисто, опрятно, особенно на столе. Сарай я осмотрел, его надо починить. Баньку тоже привести в порядок. Лошадь в ужасном состоянии... Я привез куль овса, надо сейчас же дать ей немного.

– Ты, начальник, скажи спасибо, что не съели ее. Собаки то давно уж нет...

– Вижу, не сладко Вам пришлось. Тем более, надо срочно наладить нормальный быт, а главное – питание.

Корякину явно понравился деловой настрой молодого человека. Понял: кончились неопределенность, ожидание, изнуряющее безделье....

Бурпала



Бурпала – это речка, стекающая с северного макросклона хребта Бруингра, имеющего субширотное простирание. Вершины хребта имеют то зубчатую, то плоскую обрезанную формы. В эти сооружения вложены кресловидные углубления – кары ледникового происхождения. Русло реки начинается в гольцах на высоте около 2000 м, там, где почти все лето лежат навейные снежники, и где в каменных развалах (курумах) живут сурки-тарбаганы. Их вкусное мясо любят охотники, местные жители используют как средство от туберкулеза, вообще как лекарство, а из меховых шкурок шьют красивые шапки. Верхние части гольцов покрыты мохово-лишайниковой растительностью, среди которой располагаются лужайки альпийских трав, обожаемые снежными баранами и дикими оленями (сокджоями).

Сюда, выше пояса зарослей кедрового стланика в теплое время года поднимаются многие животные, здесь они нагуливают, накапливают жир перед долгой холодной зимой. Гольцы – это также отличные пастбища для домашних оленей и неиссякаемый источник хрустальных вод, стекающих в обширную Токариканскую котловину. Но не это главное. Главное – где-то здесь располагается одно из месторождений коренного золота, за которым, начиная с середины-конца XIX века, развернулась охота по всему Лено-Амурскому междуречью. Тогда огромный край площадью в десятки миллионов квадратных километров охватила золотая лихорадка: люди разных профессий, сословий и образования бросали насиженные места и уходили в тайгу, в горы, чтобы найти свое счастье – крупицы

желтого металла, обещающего богатство и благополучие. Далеко не все из них стали счастливыми, нашли свой фарт: большинство сгнули в таежной глуши или упокоились в безвестных могилах по берегам безымянных рек на пространстве от Байкала до Тихого океана. Сколько жутких трагедий, драматических событий разыгралось на этих сибирских просторах, сколько мук, непосильного труда, здоровья и надежд оставлено в этих суровых, неприветливых местах – и все из-за золота, этого презренного и обожаемого вещества....

Сейчас трудно представить то время, когда люди группами и в одиночку, на лошадях и оленях, а в большинстве случаев – пешком, на свой страх и риск, без продуктов и снаряжения, с лопатой и лотком, в любую погоду, в дождь и холод, отправлялись в безвестность с одной мыслью, с одним желанием – найти и заявить золотonosную площадь. Кое-кому это действительно удавалось, и тогда спонтанно, быстро, как по мановению волшебной палочки, русловые отложения-наносы буквально перетряхивались на буграх, возникали бесчисленные бугры-отвалы, вокруг месторождения вырастали прииски – примитивные и большей частью временные населенные пункты с землянками и бараками, шалашами и палатками, где ютились голодные, алчные, немые и злые мужики. Десятки, сотни таких приисков – Зейские, Алданские, Тимптонские, Сутамские, Бодайбинские, Селемджинские, Ленские, Джелтулакские и другие – раскинулись на гигантских просторах Азиатской России. Среди этих эфемерных таежных городищ был и прииск Бурпала.

Что и когда происходило здесь, можно было в общих чертах восстановить по характерным признакам и следам, оставленным водой и человеком на предгорной наклонной равнине, где стоял сейчас одинокий дом. Вот что удалось мне выяснить при обследовании территории после того, как сошел устойчивый снежный покров.

Месторождение расположено по обе стороны реки Бурпалы, которая выходит из каньона, разрезающего вал конечной морены последнего четвертичного оледенения. Ниже каньона отложения водотока распластываются, скорость течения резко ослабевает и взвешенные наносы, в том числе и частички золота, оседают, формируя россыпь в виде дельты размером 3х8 км. Золотonosные отложения обрываются к руслу реки двумя террасами высотой 2 и 5 м, а на юг, в сторону Токарикской долины спускаются постепенно утончающимся плащём. Месторождение открыто, видимо, в начале прошлого столетия. Сейчас на старых отвалах, тянущихся вдоль русла водотока, выросли лиственницы, возраст которых, судя по спилам деревьев, составляет 45 – 50 лет. Разработка месторождения осуществлялась хищническим способом, т.е. отрабатывались наиболее богатые площади, о чем свидетельствуют хаотически разбросанные «целики» (участки нетронутой породы). Для промывки отложений второй террасы использовались дождевые и надмерзлотные воды, которые подавались по канавам, устроенным под углом к склону на расстоянии до полукилометра. Отработана была лишь прирусловая часть территории, не скованная вечной мерзлотой. Наклонная равнина была покрыта редкостойным лиственничным лесом, однако он был полностью вырублен, не осталось даже пеньков. Они пошли на дрова более поздним обитателям. На месторождении по обе стороны реки на расстоянии 100 – 300 м друг от друга стояли два десятка домов: такая планировка характерна для таежных селений тех времен. Лес для их постройки заготавливали на морене и свозили вниз по льду на волокушах. Нынче от домов ничего не осталось – все сожгли проезжие путешественники.

Разведочные линии экспедиции ориентированы с востока на запад, поперек общего направления течения реки. Всего было заложено 12 линий по 10 шурфов с каждой стороны русла. Они должны были служить основой для подсчета запасов золота на нетронутых участках. Нам необходимо было отработать две последние линии, расположенные почти у основания моренного уступа, и завершить разведку по седьмой и восьмой линиям. Работы предстояло очень много, и выполнить ее в полном объеме было очень трудно, так как все шурфы предстояло пройти в толще многолетнемерзлых горных пород.

Дом, в котором жил Егор Данилович и который служил базой для прошлогодней группы геологов, располагался примерно в километре от реки, на магистральной зимней тропе, идущей от озера Токо и Алгамы до Золотинки. А может быть и тропа подвинулась к дому, поскольку здесь было удобно останавливаться проезжим нартовым караванам; позже мимо него стали проезжать санно-тракторные поезда. Барак размером 6х7 м имел три застекленных окна с одинарными рамами, небольшой пристрой (сени), обращенные выходом на север, и навес у восточной стены, под которым обычно стояла лошадь. К чердаку, крытому лиственничным корьем, вела небольшая лестница. Рядом с ней находилось огромное раскидистое дерево, корни которого уходили под строение. Оно далеко было видно окрест и служило хорошим ориентиром для путников. Внутри барака, справа от входа, находилась жестяная печь, обложенная булыжниками, стол с двумя полками для посуды (он стоял у южного окна), вдоль стен располагались нары. Угол слева от входа занимала Янга. Он был отделен перекладной, на которой висела откидная, до пола занавеска. Загородка хорошо освещалась одним из окон. Между окном и южной стеной на широких нарах лежала постель Корякина. Она никогда не убиралась.

Метрах в пятидесяти от барака протекал небольшой ручей, из которого брали воду. Около него находилась маленькая баня «по-черному», построенная Корякиным несколько лет назад из остатков старых домов. Ручей перемерзал лишь в самые сильные морозы, ниже его каждый год формировалась небольшая наледь. Рядом с домом, выше по склону, стоял полуразрушенный сарай из дранья. Драньё – это доски, изготовленные из лиственничных или сосновых чурок длиной около 2 м путем их продольного расщепления-раскалывания. Вот и все наше хозяйство, если не считать несколько венцов из тонких бревен, на которых устанавливались в прошлом году двух- и четырехместные палатки геологов и рабочих. Они находились на правом берегу Бурпалы, на терраске в молодом лиственничнике.

Корякин не возражал, когда после рекогносцировки местности и осмотра построек я предложил реконструировать баню, разгородить сени на две половины, одну из которых оборудовать под склад продуктов. Неплохо было бы также построить новый таган и починить развалившуюся печь для приготовления хлеба (муки я привез вполне достаточно). Реконструкцию начали с сений, и вскоре мешки с мукой, крупой, соль, спички, консервы, сахар, сливочное и растительное масло и кое-что еще по мелочи нашли свое место на полках из тесанных жердей или были подвешены к потолку во избежание нашествия мышей, горностаичиков и насекомых. Среди «подвешенных вещей» оказались две бараньи туши – желанный и неожиданный для старожилов продукт. Здесь же было сложено пока еще не распакованное экспедиционное снаряжение.

Баню решили сделать «по-белому», т.е. вместо каменки, дым от которой при топке выходил в приоткрытую дверь и маленькое оконце, поставить привезенную мной железную печь с комплектом труб. Печь мы обложили камнями, которые должны нагреваться во время топки, на них можно будет плескать воду, чтобы возникал горячий пар. Способ эффективный, проверенный многократно. Воду предполагалось нагревать в молочном 30-литровом бидоне, который я также предусмотрительно захватил из Чульмана. В баньке заменили лавочки, сделали полок. К сожалению, одеваться и раздеваться придется на улице – до предбанника руки не дошли. Все это мы сотворили довольно быстро, за два дня, так, что Первого мая состоялся настоящий праздник. А праздновать было что.

Во-первых, утром я открыл ящики со снаряжением и выдал каждому члену полевого отряда новую спецобувь – кирзовые и резиновые сапоги, войлочные стельки, телогрейку, рукавицы-верхонки, брезентовый плащ и, самое главное, – штормовой костюм защитного цвета. О-о...! Надо было видеть лица этих людей, давно обношенных и исхудавших. Достаточно сказать, что резиновые сапоги на ногах Корякина были все в заплатках, пришитых толстой дратвой, а не наклеенных, как обычно (клея у него не было), а так называемые валенки представляли собой разбухшие опорки, голенища которых давно пошли на подшивку развалившихся подошв. Конечно, отбирая снаряжение на складе, трудно было угадать размер одежды и обуви будущих владельцев. Однако Егору Даниловичу все

пришлось почти в пору, а вот Янга не дотянула: ее новую одежду придется ушивать, подрезать. Но, это – не проблема! Со временем справимся и с этим.

Во-вторых, что также явилось своеобразным сюрпризом, я взялся приготовить к вечеру настоящий украинский борщ с бараниной. Ну, не совсем настоящий, а из стеклянных банок, но очень похожий – красный, жирный и густой. Ожидание этого удовольствия было настоящим истязанием, зато с каким наслаждением мы отведали необычное блюдо! Да еще с рюмочкой разведенного спирта.

Наконец, в-третьих, состоялась открытие новой бани – над ней с утра колдовал Корякин. Помывка с паром в таежных условиях, в морозец, с кряканьем и стонами, с выходом под открытое небо – о-о...! Не ищите более счастливых людей! Вот они, на Бурпале! Не могу поручиться за Янгу, которая пошла в баньку позже нас, когда та уже приостыла, но девушка после водных процедур выглядела тоже о-о-чень довольной.

В общем, мой план завоевания сердец «диких индейцев» претворился весьма успешно. Вечер прошел в «теплой дружественной обстановке»: Егор Данилович «растался», сменил свой суровый, неприступный вид на благодушный облик доброго старичка, а девушка перестала дичиться, повела себя естественно и непринужденно.

Началась наша совместная полевая жизнь.

Шурфовка



Снег в долине скоро растаял, сугробы сохранились только в подветренных частях склонов, в густом лесу да в депрессиях рельефа. Марь по утрам сковывал лед. К полудню он частично исчезал, но ночью вновь возникала сплошная ледяная корка, над которой торчали пучки осоки, сфагновые кочки и болотный багульник вперемешку с тощей березкой. На поверхности льда повсеместно образовывались насаженные друг на друга пирамидальные натеки замерзшей воды, выжатой из-под ледяного панциря. Морены еще были в снегу, а горы блистали девственной белизной: там не было и намека на то, что наступает весна.

После праздника я решил сделать обход месторождения. Вместе с Корякиным мы прошли вдоль русла Бурпалы по терраске около трех километров, сделали несколько боковых маршрутов по разведочным линиям, осматривая и проверяя номера и надписи на вехах. Мой спутник оказался плохим ходоком – у него болели ноги, он постоянно отставал, кряхтел, кашлял. Его пояснения мало что прибавили к той информации, какую я получил из геологического отчета и снял с топографической карты крупного масштаба. В конце концов, я отослал его домой и продолжил путь один. Бодрым шагом, дорвавшись до свободы и одиночества, я поднялся почти до основания морены, оценил обстановку и наметил опорные точки новых шурфовых линий. Вернулся поздно вечером, спустившись к базе напрямую по замерзшему болоту, с двумя куропатками, которых застрелил у снежников из мелкокалиберной винтовки. Лицо мое сильно обгорело: холодное северное солнце не упустило возможности сурово наказать меня за беспечность.

Проходку шурфов начали с дальней, двенадцатой линии – мне показалось более эффективным и удобным сокращать путь к объектам по мере выполнения объема работ. К тому же сейчас к шурфам можно ходить более коротко, через марь, пока она не оттаяла. Погода стояла в целом благоприятная, хотя иногда надвигались тучи, и ветер приносил снежные промёты. В некоторые дни земля покрывалась снегом, но он быстро таял. Первые шурфы заложили под мореной. Вначале я разметил линию, обозначив место проходки треножками, на которых повесил цветные тряпочки. Там временем Корякин развел

огонь на четырех самых дальних точках, по ту сторону Бурпалы. На правом берегу наметилось пять шурфов.

Проходка мерзлых грунтов предполагает их послойное оттаивание. Для этого на месте шурфа устраивают костер. Когда земля под костром протает, его сдвигают в сторону, угли сгребают и производят выемку оттаявших отложений. Затем на мерзлом основании снова разводят огонь, через некоторое время его гасят, размявший слой убирают и так далее до проектной отметки – обычно до коренных горных пород. Вынутый грунт замеряют, часть его берут на пробу, которую промывают в ручье для того, чтобы получить обогащенный металлом шлик – для дальнейшего анализа и расчетов. На подсчет запасов золота в россыпи очень сильно влияет льдистость грунтов. Если геолог не определит количество льда, законсервированного в отложениях, он может ошибиться в расчетах в два, а то и в три раза. Поэтому мне, помимо работ, предусмотренных в обычных условиях, т.е. за пределами области вечной мерзлоты, предстояло отобрать и проанализировать большое количество проб на льдистость. Эта процедура предусматривает определение объема и веса образцов в мерзлом и талом (воздушно сухом) состоянии.

Весной и летом важно, чтобы шурф не залило водой. Для этого вокруг выемки устраивают деревянный сруб из 2 – 3 венцов, с внешней стороны которого насыпают и утрамбовывают землю; часто обходятся и без сруба – возводят невысокий земляной вал.

Мерзлый грунт под костром тает очень медленно, примерно 15 – 20 см в сутки, так как основная часть тепла уходит в атмосферу. Поэтому, как только глубина выемки достигнет 1,0 – 1,2 м, ее укрывают жостью (если она есть) или лиственничным корьем, берестой, другим подходящим материалом. При этом в укрытии оставляют небольшие проемы, чтобы к огню поступал кислород, иначе огонь быстро погаснет. Чем глубже шурф, тем труднее управляться с огнем, сложнее добывать пробы. Чтобы спустить рабочего в забой, доставить дрова и поднять грунт, чаще всего используют бадью на прочной веревке, которая наматывается на вал ворота, устраиваемого над выемкой. При небольшой глубине применяют веревочную или деревянную лестницы, а также простое бревно с подрубленными сучками или ступенями-зарубками. Серьезная техническая проблема – проветривание шурфа после того, как погаснет костер. Для этого горняки подвешивают на веревках старые телогрейки, разную ветошь, веники, крышки от бочек и пользуются ими как поршнем.

Я описываю все это к тому, чтобы читатель представил характер и объем предстоящих работ. Должен сказать, что Егор Данилович действительно оказался очень опытным шурфовщиком, а еще лучшим промывальщиком. Скоро я убедился, что работа в шурфе для него очень болезненна – он буквально задыхался в забое, поэтому мне пришлось использовать его в основном на промыве проб в лотке собственного изготовления – это он выполнял виртуозно, с большой охотой и очень качественно. Часто Корякина приходилось даже останавливать, устранять от процесса предельного обогащения шлиховой пробы – ему все время хотелось получить чистый выход металла из конкретного объема грунта, т.е. визуальную оценку содержания золота в россыпи. Что ж, желание старого золотоискателя, его азарт можно понять.

Кроме промывки проб в обязанности проходчика входила также заготовка и подвозка дров. Эту работу он выполнял с помощью Майки, сильно истощенной лошади, которую запрягали в волокушу (две березовых оглобли, изогнутые у комля и скрепленные на конце прочной перекладной). В качестве дров использовались одиноко стоящие сухие стволы лиственниц, а также живые деревья. Чурки из них закладывались на сухие поленья, долго горели и давали много тепла. На волокуше подвозили не только стволы деревьев, но и пробы грунта к реке, для чего на перекладине крепили съемный ящик из тесовых досок. В этом ящике Егор Данилович обычно приезжал к месту работ. Я всегда ходил пешком.

Корякин



Постепенно жизнь наша упорядочилась, приобрела конкретную цель и назначение. До осени мы должны были завершить работы и с первым зимним транспортом, видимо, в конце октября, я должен уехать в Чульман, сдать материалы и вернуться в институт. Что будет делать Корякин и Янга, мне было не известно. Задавать этот вопрос было неудобно, и я помалкивал, оставляя его на конец полевого сезона. Вставали мы в семь часов утра, завтракали, в 8 час. 30 мин. проводился сеанс радиосвязи (обычно по понедельникам), в 9-00 выходили на работу. Янга, как правило, оставалась на базе, занималась хозяйством, к вечеру готовила ужин. Корякин поднимался раньше, затапливал печь или костер во дворе, шумел, хлопал дверью, не обращая ни на кого внимания. Ночью стонал и сильно кашлял. Естественно,

это беспокоило нас, поэтому недели через две после приезда я решил спать в двухместной палатке. Для этого во дворе поставил сруб из трех венцов с полом, установил каркас по размерам полотна, соорудил нары, установил столик, в общем, устроился капитально, как принято у настоящих таежников. В палатке всегда было свежо, уютно и достаточно просторно для одного человека. Главное же – при необходимости можно было уединиться, не мельтешить перед сотрудниками, что немаловажно в условиях постоянного вынужденного присутствия.

Вскоре на улицу перебралась и Янга: для нее Корякин соорудил миниатюрный чум из жердей, закрыл его оленьими шкурами, которых в избытке оказалось на чердаке. Шкурами был застлан и пол чума. Таким образом, у каждого члена отряда оказалась своя спальня, и это всех устраивало. Четырехместку отвезли на дальнюю шурфовую линию. В ней мы прятались во время дождя и снега, хранили инвентарь, брезентовую робу, которую одевали, когда спускались в шурф, а также пробы грунта. Там же я взвешивал в баночках и сушил образцы мерзлых пород.

К месту работы мы с Корякиным обычно прибывали разными путями, примерно через час-полтора, возвращались вечером часов в шесть-семь. Выходной устраивали по мере необходимости, а чаще в непогоду (в таежных условиях трудно соблюдать календарный распорядок дня, так как многое зависит от состояния окружающей среды, от текущих бытовых дел).

Егор Данилович был выше среднего роста, жилистый, сухой как клещ. На голове его росли редкие седые волосы с пролысынами, белая короткая борода и густые усы выглядели неухоженными, всклокоченными. Над мясистым угреватым носом под темными широкими бровями прятались морщинистые голубые глаза. Взгляд их был волевой и жесткий, иногда настороженный, казалось, старик все время караулил что-то, боясь пропустить опасный момент. Зубов почти не было, обрамленный щетиной рот немного западал внутрь, создавая впечатление глубокой старости. Прижатые к черепу уши небольших размеров имели правильную аристократическую форму, внутренняя часть их несла пучки белых закрученных волос. Узловатые кисти рук покрывала тонкая, с пигментными пятнами глянцевая кожа, под которой извивались вздувшиеся темно-синие вены. На этих руках отразилась сложная, никому не неизвестная биография пожилого человека. Внешне Егор Данилович все же был привлекателен, держался независимо, строго, не вступал в дискуссии, на все имел свою точку зрения. Пытаясь возразить своему собеседнику, он обычно говорил:

– Ну, ну..., – и замолкал.

Я старался быть деликатным, лишних вопросов не задавал, внимательно приглядывался к старику. С моей точки зрения, не все выглядело корректным в его поведении. На-

пример, он мог, не предупреждая, не спрашивая, вдруг исчезнуть на полдня, а то и на весь день, уйти куда-то и потом не объяснить свое отсутствие, отмолчаться на заданные мной вопросы или просто отойти в сторону. При этом хмурился или грубо обрывал:

– Ну, ладно, хватит...

Вместе с тем, Корякин выглядел обстоятельным, неторопливым, опытным таежником и горняком. Чувствовалось, что он тонко чувствует природу, точно прогнозирует погоду, знает повадки зверей, способы охоты и выживания в суровых климатических условиях. При желании он мог из ничего изготовить нужный предмет, добыть, починить, пошить. Так, в конце мая, когда окончательно вскрылась Бурпала и растаяли озера на Токарикской равнине, он нарезал ивовых прутьев, сплел морду и две корчаги. Морду мы поставили в проем устроенного из камней заездка, стали ловить хариусов и налимов, а корчажки использовали для добычи гольянов, карасей и окуней в водоемах.

Старик неплохо говорил по-эвенкийски. В этом я убедился еще во время пребывания каравана. Как-то, очищая ручей от мусора, накопившегося за зиму, я заинтересовался, где он выучил эвенкийский язык. Корякин коротко бросил:

– Да-а..., было дело.

Тогда я, указывая на ручей, бухнул:

– *Догор, эрка биракан олло беһин?* (Уважаемый, в этом ручье рыба есть?), – не зря же я жил в интернате вместе с эвенкийскими ребятами.

Дед вскинул брови и удивленно раскрыл глаза:

– Ну, ты даёшь, начальник. Тоже, видно, не лаптем щи хлебаешь, – и машинально ответил:

– *Ачин, ачин* (нет, нету).

Егор Данилович очень трепетно относился к своим инструментам: топору, лопате, ножу, дробовому ружью и охотничьим принадлежностям. Он мог часами точить топор или охотничий нож, приглядываясь к лезвию, затем вдруг снимал напильником острие и начинал заново выправлять фаску. Что-то могло не устраивать его в зубьях и ручке пилы. Тогда он садился на маленький табурет, стелил на колени брезентовую тряпицу и несколько часов работал напильником и разводилкой. Другой раз менял прямые ручки из листовенницы на изогнутые березовые, которые приносил из леса. Ружье двадцатого калибра всегда было вычищено, смазано, патронташ висел наготове, забитый латунными патронами, заряженными разной дробью и жаканами. Черешки к лопатам Корякин делал только из высушенной березы, причем разные – короткие, длинные, изогнутые, и менял их в зависимости от типа работы. Точно также использовалась заточенная лопата – строго по назначению: подборная для уборки грунта, штыковая – для копки и т.д. А лоток хранил только в изголовье нар, никому не доверял: сам носил на работу и домой, никогда не оставлял в тайге.

Однажды я не положил, а небрежно бросил кайло в кучу валунно-галечного материала, вынутого из шурфа. Старик вспыхнул, сильно возмутился:

– Ты чей-то, начальник, с моим струментом так обращаешься? Ты его ладил? То ж хлеб мой! Вот все вы таки – геолухи. Нет, чтоб поучиться у старших как надобно, да вы норовите сломать все, исковеркать...

– Извините, Егор Данилович! Не нарочно я... А поучиться у Вас готов всегда.

– Спрашивать надо да приглядывать... Тогда и знать будешь. А так, не знавши, и померешь, хотя и геолог.

Мы сели на сухое бревно, приготовленное для распиловки. Старик взял кайло и любовно обтер ладонью загнутый немного клюв.

– Вот ты думаешь, начальник, это грубый струмент – ручка да дырка в железяке, бросовая вещь. Вон их сколько по старым отвалам сыскать можно. Да? Кому нужно... А железяка эта мильёны людей кормит. Без нее никак нельзя: что канаву пройти, что штольню вырубить, что могилу выкопать. Так что уважение к струменту иметь надобно. Да и сладить его не каждому дано. Вот ты, начальник, ведаешь, что носок у кайла – самый главный элемент? У тебя может сила богатырская, а со мной не справишься, я все равно боль-

ЯНГА

ше тебя грунта возьму. Потому что мой носок правильно загнут, заточен да закален: земля то в харю не полетит, а колотьясь будет как надо, эффектно. А ты затюкаешься в поту со своим жалом и ничего не добудешь. Э-э...

Корякин махнул рукой.

- Вот и с топором также. Твой топор, может, как бритва острый, а рубить не будет. Почему? Да потому, что лезвие кривое и широкое на поруб, что зубило. Али ручка не туда смотрит, того гляди, ногу повредишь. Знать надобно.... Таежники-то тоже не ногой сморкаются. Моя Янга и то знает.

Таких поучительных примеров было много.

Как-то я простодушно спросил старика:

- А где Вы, Егор Данилович, такую школу прошли?

- Много знать будешь – скоро состаришься... А срок помотаешь – многое узнаешь!

Любознательный ты мой!

Больше на эту тему не разговаривали.

Удивительно, но факт: Корякин не курил и не готовил, не пил чефир (крепкий, крепкий чай). Это редчайший случай среди бывших эков и коренных таежников. Не заметно было и его пристрастие к алкоголю – свойство, отличающее волевых, самостоятельных людей.

Примечательна еще одна характерная черта Егора Даниловича. В пути он все время присматривался, как будто что-то искал. И находил. Обычно это были старые приисковые вещи – скобы, крючья, жестяные грохота, ломы, лопаты, колеса от тачки, проволока, обрывки веревок, дырявые ведра – все, что можно встретить в заброшенных старых селениях. Однако ни в доме, ни во дворе принесенные Корякиным находки не валялись. Однажды я заглянул на чердак, и там обнаружил целый склад, точнее свалку старых предметов. Мое недоумение по этому поводу он прокомментировал коротко:

- В тайге, начальник, все согдится.... Если по уму.

И то правда. В чем я убеждался всю свою дальнейшую жизнь.

Янга



В первые дни моего пребывания на базе дочка Корякина показала мне пугливой, сильно изможденной и неопрятной. Что пуглива – понятно: не каждый день мимо их жилья проходили толпы людей. К тому же она была немая и, конечно, стеснялась своего недуга. Кто на ее месте повел бы себя иначе? Одета она была в какой-то невообразимо большой мужской пиджак, заношенный и мятый, в шаровары неопределенного цвета огромных размеров и старые облезлые унты. Это тоже не добавляло ей уверенности и красоты. Лицо выглядело маленьким и скуластым, хотя на нем выделялись полноватые губы и большие голубые глаза. Жесткие черные волосы, давно не стриженные, с жирным блеском падали на худые плечи, закрывая лоб и щеки, от чего ей часто приходилось взбрасывать голову, освобождая

взгляд от нависающих прядей. Янга пыталась спрятать свои бледные худые руки с длинными пальцами куда-то в одежду, и это усиливало выражение боязливости в ее неопределенной на вид фигуре.... Я мучительно думал, как найти к девушке подход, чтобы случайно не обидеть ее, не оскорбить. Потом решил вообще не обращать внимания на ее немоту, как будто мы одногодки и давным-давно живем вместе. Это заметно изменило ситуацию. Янга стала чутко реагировать на мои слова, жестах и взглядом, но очень осторожно пыталась поддержать общение.

Перелом в наших отношениях наступил несколько дней спустя после празднования Первого мая, когда я, немного освободившись от текущих дел, предложил ей раскрыть и подшить выданную спецодежду. На дворе был мокрый снегопад, выход на работу отмечаясь, в доме было тепло и уютно. Я достал ножницы, комплект иголок разных размеров, наперсток, взятый у матери «напрокат», и несколько катушек ниток. Начал со штанов от штормового костюма. Штаны были скроены совершенно просто, но огромных размеров, и когда мы выдернули резинки из пояса и гач, они стали необозримыми. Обитатели жилища немало удивились, когда я, измерив Янге талию и прикинув объем бедер, ножницами уверенно отмахнул с двух сторон значительную часть изделия, потом по росту подрезал пояс и нижние части штанов. В результате на столе оказались вполне современные и даже модные заготовки женских брюк. Далее было дело техники, и тут Янга вступила в свои права – прошла отрезанные края материи, ловко, хотя и грубовато обверложила швы, вдернула резинки. Незадолго до того я пожертвовал часть своего гардероба – подарил девушке клетчатую рубашку и белую маечку-футболку. Теперь, когда она все это надела и прошла перед нами, немного кокетничая и смущаясь, нашему восторгу не было предела. Особенно доволен был дед. Он явно зауважал молодого начальника.

Но это было не все. В дополнение к своим удивительным способностям в качестве закройщика, я предложил еще и услуги парикмахера. Немного пофантазировав, я, как Роден при изготовлении скульптур, убрал все лишнее – чуть выше плеч отрезал волосы, а затем на лбу соорудил челку. Не берусь расхваливать свое новое качество, но когда работа была закончена, девушка стала похожа не египетскую царицу Клеопатру, которую сыграла знаменитая актриса Голливуда Элизабет Тейлор. Конечно, это сравнение пришло сейчас, но и в то время я был поражен необычной привлекательностью Янги. Ее раскосые голубые глаза на смуглом, чуть скулатом лице с характерным восточным колоритом приобрели совершенно новое выражение и блеск. Да и сама она, как в той известной сказке, превратилась вдруг из падчерицы в прекрасную принцессу. Так, по крайней мере, мне показалось.

На следующий день примерно такую же процедуру мы провели с курткой и плащом, так что девушка теперь экипировалась вполне достойно. С тех пор она частенько оставалась во дворе перед затененным окном, в котором отражалась ее фигура, и крутилась, рассматривая свое отображение. О-о, неистребимое женское начало!

Первое время меня беспокоили вопросы: все ли понимает Янга? Можно ли разговаривать с ней как с любым другим человеком, не прибегая к дополнительным пояснениям и жестам? Как она воспринимает мир, не имея возможности выразить свои чувства? Моя тревога была напрасной. Девушка оказалась вполне нормальной, только не могла объясниться посредством звука. Вот и все. Со временем я вообще перестал замечать отсутствие у нее речи, а односложные звуки типа «м-м...» или «н-н...» имели столько смысловых оттенков, что в совокупности с мимикой, движениями пальцев и рук вполне заменяли обычные слова и предложения.

Особенно активно наше общение проходило во время походов за диким полевым луком, грибами и ягодами, на рыбалке. Тут раскрывалась буквально необузданная любознательность девушки. Ее интересовало буквально все – растения, насекомые, люди, события, земля и вселенная, словом, весь безбрежный окружающий нас Мир. Ну, как не понять так долго голодавшие, жаждущие информации клетки мозга молодого организма? Я не скупился ни на время, ни свои знания, но не любил разговаривать на ходу. Часто мы садились где-нибудь на сухой терраске, покрытой белым ковром лишайников и куртинами толокнянки, или на упавшее дерево, разводили небольшой дымокур и, наслаждаясь видом на дальние горы, вели неторопливую беседу. Мне доставляло удовольствие рассказывать ей о больших городах, о полярных путешествиях, о достижениях науки и техники, об экзотических животных, Арктике и Антарктике, бурях и ураганах, о великом мировом океане – то есть обо всем, что когда-то волновало меня самого, а к тому времени накопилось в моем интеллектуальном багажнике.... Наверное, она не все понимала в силу явной ограниченности своих знаний, не ума – нет, с этим было все в порядке; просто, я

думаю, ей не хватало воображения представить объекты и сюжеты моих рассказов так, как видел их я. Но живой огонь в широко раскрытых глазах, затаенность дыхания и всплески рук, покачивание головой и грустный вздох – истинно говорю, я наслаждался её вниманием!

Живой интерес у Янги вызвал рассказ об аборигенах края – эвенках. Еще на втором курсе института я увлекся топонимикой – наукой о происхождении географических названий. Все началось с русскоязычной литературы по исследованиям Антарктиды. Читая описания путешественников и ученых – Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, Руала Амундсена, Эрнста Шеклтона, Дугласа Моусона, Ричарда Берда и многих других, я стал выписывать сведения о том, кто, когда и в честь кого (или чего) дал названия гор, морей, ледников и других географических объектов. В результате составил рукописный «Топонимический словарь Антарктики», иллюстрированный собственными рисунками. Затем начал расшифровывать названия рек, озер, населенных пунктов Южной Якутии и таежной зоны Амурской области. И тут обнаружил, что большинство топонимов имеет местное, т.е. эвенкийское происхождение. Например, река Токарикан значит «извилистая», Омуткан – «озерная», Амнуакта – «наледь, наледная», Ахикта, Ахиктачи – «ель, еловая», Янгура – «ровное место на горе» и так далее. Мне пришла мысль обратиться в Этнографический музей в г. Ленинграде к автору эвенкийско-русского и русско-эвенкийского словарей (1934, 1940, 1948) Глафире Макарьевне Василевич с просьбой прислать мне соответствующую литературу. Г.М. Василевич – это крупнейший лингвист, выдающийся специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, автор первого учебника и первой грамматики эвенкийского языка, создатель многих книг и статей по этнографии и диалектам этого народа. Она прислала мне несколько своих произведений с автографами, чему я был несказанно рад. Пытался изучить их, использовать в своих изысканиях, но хорошо говорить так и не научился.

Уклад, образ жизни эвенков мне был хорошо знаком, и не только по книгам, но и по натурным наблюдениям детских и юношеских лет. Любовь к кочевому образу жизни, выдержка, смелость, прекрасное знание природы и животного мира, отсутствие привычки к накоплению ценностей, неприхотливость в быту – вот наиболее важные черты и качества этого удивительного народа, выработанные тысячелетиями в борьбе с суровыми условиями гор и тайги.

До сих пор я питаю глубокий интерес и уважение к простому человеку, имя которого «эвено`к». Одна у него беда – нет сопротивляемости к вину, к водке. В быту этих людей часто называют «э`венки», «эве`нки», но правильно «эвэнк`и» - с протяжным «и». Это самоназвание народностей, живших по правым притокам Амура – солонов и онкоров, их предков. Эвенки, обитавшие в бассейне Нижней и Подкаменной Тунгуски называли себя «илэ», «илэл» (отсюда, видимо, Илим), т.е. «люди», а оленевческая группа, жившая в Северном Забайкалье, по отрогам Яблонового и Станового хребтов «ороченами» (от слова «орон» – олень). Эвенки кочевали на огромной территории от Енисея до Охотского моря, жили на Сахалине. Конные эвенки на Амуре известны под названием «манягир», «манегры», рыболовы в бассейне Большой Биры как «бирары», «бирарчен» (дословно «поречане»). Все они не знали земледелия, занимались в основном охотой, что и определило их кочевой образ жизни. Общая численность эвенков в середине двадцатых годов прошлого века составляла около 28 тысяч человек. В их языке Г.М. Василевич выделила 16 диалектов, объединенных по произношению слов (секающие, хакающие и секающе-хакающие) в три группы – северную, восточную и южную. Например, слово «женщина» у секающих людей будет «аси», у хакающих – «аши», а у секающе-хакающих – «ахи», все с длинными «и».

Обо всем этом я, как мог, поведал Янге, своей спутнице по ближним и дальним маршрутам. Не знаю, поняла ли она что-то из моего рассказа, но я был горд своими знаниями, тем более, что подозревал ее непосредственную связь с этим народом.

Янга очень любила ловить рыбу и в этом деле не уступала своему спутнику, который считал себя выдающимся рыбаком. В Благовещенске я купил отличные стальные крючки

разных размеров, а перед отъездом из Чульмана надрал корда из старых автомобильных покрышек. Леска и дратва из этого материала была в то время непревзойденной. Конечно, нитка была толстовата, но зато прочная – с крючка не срывался ни ленок, ни крупный хариус. Девушка смело входила в речной поток, умело закидывала удочку под пережат и ловила рыбу в нахлыст, искусно играя насаженным на крючок паутом, кузнечиком или искусственной мухой. Мухи мы готовили из ярко красных петушиных перьев, которые мне тайно удалось добыть в курятнике моего отца. Точно также девушка скрадывала крупную рыбу с берега, прячась от настороженного гидробионта. Не было случая, чтобы пойманная на удочку добыча ушла от азартной рыболовицы. Также искусно Янга ставила «морду» в реке или корчажки в озере – точно знала, где загородить речной поток, где воткнуть кол с привязанным орудием лова. А как она чистила рыбу – просто заглядение: ловко вставляла в анальное отверстие узкий острый нож своего отца и быстрым, почти неуловимым движением вспарывала брюшко до самых жаберных пластин. Мгновение – и хариус без внутренностей, без икры лежит в ряду своих собратьев!

Янга великолепно стреляла из ружья и мелкокалиберной винтовки. Однажды она доказала это не в поражении консервных банок, чем мы иногда занимались на досуге, а на практике – в стрельбе по живой мишени. Об этом стоит рассказать более подробно, хотя событие тех дней до сих пор уязвляет мое мужское самолюбие.

В середине июля я решил сходить в истоки Бурпалы, подняться в горы, чтобы обследовать следы древнего оледенения – ригели, морены, кары, и первичные формы современных ледников – снежники. До перевала на северный склон хребта было 20 – 25 км. Поход рассчитывал осуществить с двумя ночевками у костра: день туда, день обратно и день на обследование объектов. Хотел идти один, но Янга буквально умолила взять ее с собой. Дед вяло возражал, потом согласился.

Мы вышли рано утром, с восходом солнца. Погода была ясной, на небе – ни облачка, на земле – обильная роса, верный признак устойчивого антициклона. Что еще нужно молодым, здоровым людям! В рюкзаки положили продукты на два дня, плащи, брезентовый тент, котелок с кружками, топор. У каждого была телогрейка, без которой не обойтись в горах. Сверху своего рюкзака я приторочил распоротый меховой спальный мешок – это кое походное одеяло, под которым мы намеревались провести пару холодных ночей. Постелью должны служить нарубленные ветви кедрового стланика, накрытые телогрейками. О лучшем можно и не мечтать! Для безопасности и возможной охоты имелись два ружья – дробовое (Корякина) и мелкокалиберное (мое).

Часа через полтора после выхода мы достигли морены, поднялись на нее и прошли вдоль многочисленных озер, расположенных в глубоких котловинах, обрамленных густым лиственнично-березовым лесом. Берег реки был крутой, обрывистый, без террас. Бурпала, отплывавшая поной и брызгами, мчалась в узком желобе, громыхая подводными камнями. После морены открылась обширная наледная поляна с трехметровыми глыбами изумрудно-голубого льда, между которыми струились распластанные потоки кристально чистой воды. Лед на фоне цветущей горной долины выглядел необычайно празднично, привлекал своей прохладой и девственной чистотой. Мы прошли по этим глыбам, шурша и сдвигая ногами разрушающиеся под солнцем ледяные кристаллы, любясь открывшимся видом на ущелье с коническими шапками далеких заснеженных вершин. Перед нами был типичный ледниковый трог, похожий на ящик с крутыми бортами, которые прорезали многочисленные эрозионные ложбины. По ним стремительно неслись вниз шумные ручьи, зависая в виде водопадов на уступах скал.

Путь по ущелью оказался трудным: берег реки был практически непроходим из-за упавших стволов деревьев, густых зарослей кустарников, замшелых ям и бугров – пришлось идти по руслу, заваленному огромными валунами, прыгая с одного на другой, постоянно рискуя сорваться в воду или сломать себе шею. Облегчение наступало на очередной наледной поляне с остатками льда, которые встречались примерно через 2 – 3 километра и тянулись на такое же расстояние, занимая все дно долины. Здесь валуны были значительно меньше, а иногда представляли собой своеобразную каменную мостовую,

идти по которой было истинное наслаждение. К полудню вышли к границе леса. Далее по всему периметру долин начинался пояс кедрового стланика. Это настоящие сибирские джунгли, располагающиеся в зависимости от ориентации горного сооружения и географической широты местности в интервале абсолютных высот 1100 – 1500 м. Двигаться по ним без помощи топора практически невозможно – тугие, упругие ветви этого хвойного вечнозеленого растения, полудерева-полукустарника, встают перед путником буквально стеной. К счастью, обитающие в горах животные проложили здесь отличные тропы, представляющие собой своеобразные коридоры, а в высоких зарослях – даже тоннели (по ним осуществляется сезонная и суточная миграция наземного населения). Конечно, мы воспользовались такой возможностью преодолеть естественное препятствие, и довольно легко вышли на ровень, где кедровник, изреживаясь, переходит в горную тундру.

Надо сказать, что путь сквозь кедровник был очень опасным. Дело в том, что по этим тропам постоянно ходят медведи, о чем свидетельствовали их свежие и многочисленные экскременты. Июль – период гона (спаривания) хищников. Встреча с хозяевами этих мест на узкой тропинке, сойти с которой нет возможности ни нам, ни им, ничего хорошего не обещала. Поэтому я взял у Янги двустволку, зарядил жаканами и быстро пошел в подъем, держа большой палец на курке. Но все обошлось...

Гольцовый пояс встретил нас ярким светом и безбрежным простором. Поднимающиеся над плоскими перевалами скалистые вершины гор с пятнами снегов сияли разноцветными красками на фоне бездонного голубого неба, по которому неслись клочки редких белых облаков. Воздух, свежий и прозрачный, обнажил самые дальние горизонты. Внизу темным цветом выделялись зеркала округлых каровых озер, блестили извивающиеся русла речек с нанизанными на них пятнами ледяных полей-наледей. Под ногами расстилался пестрый лишайниково-моховой ковер с лужицами воды и полосами вертикально стоящих камней, обрамленными цветущими бутонами золотистого рододендрона – кашкары и шерстистой ивы. Было тихо. Лишь легкий прохладный ветерок, срываясь с ближайших склонов, пробежал над поверхностью земли, шевелил лепестки полярного мака и метелки трав.

Такая погода в горах – величайшая редкость, и я радовался вместе с Янгой, сидя на краю гигантского обрыва, обозревая ближние и дальние формы рельефа. Вдруг сзади кто-то резко свистнул. Я оглянулся и увидел, как в каменных развалах юркнул довольно крупный, темный зверек.

– Тарбаганы! Янга!

Оказывается, мы расположились рядом с колонией горных сурков. Я развернулся, взял ружье наизготовку и стал ждать. Через минуту тут и там между обломками камней обозначились вертикально стоящие тушки зверей с маленькими блестящими глазками. Большая часть их туловища не была видна. Щелкнул выстрел. Еще один. Третий. Четвертый... И никакого результата! Наконец, Янга, не выдержав, потянула винтовку из моих рук. Я не сопротивлялся. С первой же попытки девушка попала в цель, затем застрелила еще одного зверька. Все. Нам этого было достаточно. Конечно, я почувствовал себя крайне отвратительно. А кто бы из молодых людей радовался, как ребенок, в подобной ситуации? До сих пор не могу простить себе эту оплошность....

Остаток дня мы провели на горной террасе у одного из ледниковых цирков, намереваясь спуститься на ночевку в лесной пояс – ночью мог подняться сильный ветер, будет холодно, да и дров для большого костра в гольцах найти довольно трудно. Солнце приблизилось к горизонту, стало прохладно. Мы уже пошли вниз по склону, как вдруг я увидел четырех оленей, пасшихся на пригорке водораздельной седловины. Ну как было удержаться от возможности запасти свежее мясо – мы уже давно пребывали на макаронах и рыбной диете. Начали скрадывать животных, но они заметили нас и быстро скрылись. Я внимательно оглядел местность и к удивлению своему обнаружил еще около десятка спокойно кормящихся особей – они группами по две, по три, некоторые с телятами, выходили из зарослей кедрового стланика на кормежку. Ближе всех была пара оленей, самец и самка, которые стояли над крутым снежником метрах в двухстах от нас. Легкий ветерок

дул нам навстречу, звери не подозревали об опасности. Под прикрытием кедровника мы приблизились к ним еще примерно на 100 м – дальше начиналось открытая каменистая лужайка, недавно освободившаяся из-под снега. И тут... В общем, повторилась та же история. Мои пули не достигали цели, и только, когда Янга взяла винтовку и выстрелила, самец резко подогнул передние ноги и ткнулся мордой в мох. Девушка спокойно вложила в ствол новую пулю – со второго выстрела животное осело и завалилось на бок.

Мы вскочили и бросились к жертве. Олень был еще живой, пытался поднять туловище и защититься ветвистыми рогами. Пришлось прекратить его страдания. В это время я, конечно, не думал о своей новой неудаче. Горечь пришла позже... А пока... Пока нам предстояло освежать оленя до наступления темноты, которая в горах опускается быстро и незаметно. Мы подтащили тушу к снежнику и, держа ее за ноги, скатились вместе с ней к основанию фирнового массива, откуда вытекало несколько небольших ручейков. Здесь, на снегу быстро сняли шкуру, отделили голову, расчленили туловище. Янга ловко орудовала дедовым ножом и своими маленькими кулачками, так, что часа через полтора мы уже сидели перед костром, накрытые звездным небом, и наслаждались жареной на вертеле печёнкой. Это был безусловный фарт, поэтому, несмотря на усталость и сгущавшуюся тьму, у нас было радостное, приподнятое настроение.

Ночью действительно начался сильный ветер (фён), который образуется при резком охлаждении горных вершин после захода солнца: тяжелый холодный воздух скатывается в долины и межгорные котловины, но утром затихает, поскольку температура поверхности земли и приземного слоя атмосферы выравнивается.

Проснулись от холода – снизу сильно поддувало, тепла наших тел явно не хватало, чтобы прогреть свежую хвойную постель. Увы, накрыть нарезанный стланник снятой оленьей шкурой мы не догадались. Скоро закурился сизый дымок, в котелке закипела вода для чая. Есть не хотелось. Завтрак был коротким, а предстоящий путь долгим и тяжелым – надо было срочно доставить добычу по крайней мере до нижней наледы, откуда мясо можно перевезти на лошади (выше по долине наша Майка просто не пройдет). Мякоть сложили на снегу, я прикинул вес. Получалось около 60 кг чистого продукта – зверь оказался крупным, за один раз не унести. Придется делать две ходки. Решил так: сначала донести до наледы килограмм сорок (я – тридцать, Янга – десять), меховой спальник, котелок, обработанные и подсолённые тушки тарбаганов оставить здесь; вечером я вернусь в горы на ночевку, а Янга налегке дойдет до базы и на следующий день приведет лошадь. К тому времени и я с остатками груза подойду к морене....

Часов в 8 утра мы выступили в путь. Начался настоящий марафон. Не буду описывать сколько нашего пота добавилось в бурный поток Бурпалы, сколько раз стоны и вскрики заглушали клёкание в ронов, круживших на распаренной тайгой. Да это и не столь важно. Важно, что все свершилось так, как планировалось – назавтра к вечеру наш ценный груз был доставлен к месту потребления. Корякин встретил нас счастливой улыбкой – теперь мяса нам хватит не меньше, чем на месяц-полтора. Конечно, я рассказал ему о подвигах его милой дочери. Егор Данилович расцвел, раскинул руки и, подойдя к девушке, впервые на моих глазах крепко обнял ее и расцеловал.

– Радость ты моя, – произнес он и чуть не заплакал.

Что касается меня, моего настроения, то я скоро забыл о своей неудачной попытке блеснуть способностями Зверобоя. Мне и дальше в других краях, в другие времена много раз приходилось стрелять в диких животных – лося, изюбря, медведя, но я редко попадал в цель, и, в конце концов, отказался носить ружье.

Жизнь продолжалась размеренно и спокойно. Одно беспокоило – здоровье Корякина. Он все чаще оставался дома, не выходил на шурфовку.

Ночной разговор



17

августа, в день моего рождения, устроили праздничный ужин. Накануне, несмотря на дождливую погоду, мы с Янгой сбежали на Бурпалу, поймали несколько отменных ленков, почистили их, присолили и поставили в холодный погребок. Я предупредил ее о предстоящем торжестве, но просил ничего не говорить Егору Даниловичу. Еще перед отъездом из Чульмана, специально для такого случая мной были припрятаны бутылочка коньяка, две баночки лососевой икры, крабы, скумбрия в прованском масле и небольшая коробка мармелада. Это были настоящие деликатесы. В то время они свободно лежали на полках райповских магазинов, за ними не гонялись, как в другие, более поздние времена – местные жители предпочитали не консервы, а натуральные продукты. Якутия снабжалась тогда по высшему

разряду. Надпись «Крайний Север» красовалась на многих товарах – ящичках со сливочным маслом, огромных бочках с соленой кетой, бочонках с копченой колбасой, засыпанной рисовой соломой... В общем, у меня имелся небольшой запас сюрпризов, которые хранились в потаенном месте.

Днем, пока я с Корякиным добывал шурф на восьмой линии, Янга успела протопить печь и испекла из остатков муки прекрасный белый хлеб. Все было прибрано, пол и окна вымыты, в избе стало светло и чисто. На очищенном от мух и оводов подоконнике появился прекрасный букет фиолетовых ирисов. Старый горняк немало удивился перемене, но ничего не сказал, только одобрительно хмыкнул себе под нос и ушел под навес чинить конскую сбрую. Между тем на столе появилась большая сковорода с румяными, еще шипящими кусками рыбы, пласты аппетитно пахнущего свежего хлеба, вычищенные эмалированные кружки и, конечно же, все остальное, что стало предметом моей нескрываемой гордости и самоуважения. Накрытый стол действительно получился великолепным.

– Егор Дани-и-лы-ы-ч! Ужина-а-ть!

Корякин побрякал рукомойником, медленно открыл дверь, прошел к столу.

– У-у-у! Чёй-то у вас за тризна така? Никак родился кто?

– Точно так, Егор Данилович! Сегодня у меня день ангела. Двадцать четыре года от роду и двадцать пятый день рождения, знаменательная дата!

– Да-а-а... Ну, что ж, принимай поздравления, начальник. Только вот с подарками не обессудь, не предупредил ведь.

– Да какие подарки, Егорыч! Разве это главное? – я стал разливать по кружкам.

– Так то оно так, да все ж принято у нормальных людей... Будь здоров, однако. И то – самое главное!... А что энто за закуска така? Сластил – вроде как человечинной отдает, рыба что ль?

Корякин вдруг осекся, помрачнел. Неуловимая тень пробежала по его лицу.

– Да нет, это крабы – ракообразные, морские животные такие. Их мясо СССР в основном за рубежставляет, валютная продукция. Да вот Север еще снабжают. И икру красную иностранцы тоже очень любят.

– Ну, ну....

Мы были голодны, предвкушали вечернее угощение и, не стесняясь, с аппетитом стали поглощать содержимое красивых баночек. А хлеб! Свежий хлеб с коричневой хрустящей корочкой! Что может сравниться с ним, да еще накрытый таким экзотическим продуктом. Ленки, конечно, тоже хорош, но он давно приелся, и потому не привлекал наше внимание.

Егор Данилыч, отложив вилку, макал хлебным мякишем в прованское масло, шумно чавкал, двигая беззубым ртом. Он явно наслаждался новой пищей, ароматным хлебом, теплой волной, неожиданно разлившейся по его телу. После очередного глотка старик откинулся назад, скрестил руки на груди.

– О-о... Полегшало-то как, а! Что за вино тако´

– Коньяк армянский. «Арагат» называется – лучший коньяк в мире.

– Ишь, ты... Лечебный, видно.

Постепенно Корякин разговорился. Его как будто подменили, освободили от пут. Речь стала ровной, неторопливой, с глубоким смыслом. Иногда он сам наливал в кружку и, не чокаясь, не дожидаясь нас, с удовольствием пил мелкими, мелкими глотками.

– Вот ты, начальник, думаешь, что я бродяга какой, бывший заключенный, от людей прячусь. Э-э-э... Не говори ничего – не ты один так думаешь. А я – мастер, понимаешь! Мастер своего дела – горняк я поисковый, понял´ Я эту землю от Уркана до Незаметного, от Олекмы до Учюра на коленях прополз, перетряхнул ее, промыл всю вот этими корявыми стылыми руками... Тридцать пять лет здесь – мокрый, голодный, холодный. Да плюс лагерь 10 лет, чтоб ему костыли в ребро... И всё с лотком. Ан не жалуясь. Кто-кто, уж я то знаю, где золотишко водится. ...Только кому это нужно´ Сколь раз говорил геологам: не там копаете, не тут шурфы кладете, зряшная вся ваша работа – не слушают. Что ж – насил милоч не будешь.

Корякин загорячился, стал заметно нервничать. Потом, остудившись, продолжал:

– Ты посуди сам, начальник – это не секрет. Вокруг граниты, гнейсы, сланцы, наполненные минералами разными, металлом. Вон они – на Становом, на Ытымдже, на Гонаме, на Тукурингре. Реки секут горы, рушат их, и все, что в них есть, в горах, копится в русской сети, в наносах. Только где – в наносах´ Нанос наносу разный! Можно хоть миллионы тонн перекопать и ничего не найдешь. А почему´ Знать надо, дружок, где копать....

– Правда, Янга´ – Корякин нежно обнял девушку и притянул к себе. Янга положила ему голову на плечо и мыкнула. Глаза ее неотрывно глядели на меня.

– А я знаю. Где скажу, там и золото будет. Обязательно будет! Тебе скажу – ты добрый парень, справедливый, трудовой. Как, дочка, хороший он человек´

Янга энергично закивала головой:

– Н-н-н.....н-н-н...

– Так вот... Ты накипни видал´ Видал. Много их тут. Почитай, во всяком логе, во всех распадах. А вот есть таки, на неких вода, родниковая то, бьется в мелкие ручьи да речки, разбегаются вширь. Зимой к ним не подступись – дует землю буграми, рвет на части и лед, и почву. Нанос не достанешь, а достанешь – шурф-то наледь зальет. Летом опять же лед, вода кругом – кто станет канаву бить´ И шлих не берут, потому ж как и где его брать в таком уширении´ А если и возьмут, пустой он будет, понял´

– Пока не понял, Данилыч.

– Э-э-э, не понял... А ты пойми. То место, где накипь – то ж лоток природный. Тут землю, наносы речные сколько раз за нашу жизнь перетряхнуло да промыло´ А за все время от рождения богова´ Ну и где же должен быть металл, который сверху несет´ А´ Да в пло-от-и-и-ке, конечно! В ко-о-р-р-енных оно сидит, на дне этой самой уш-ирины, дурная ва-ша голова. Как не сообразить´ Ан, не сообразили же до сих пор. Большие люди думали – не додумали. Аяны так и не обследовали, не шурфовали. А там все золото! Понял те-перь´

Корякин торжествующе посмотрел на меня. Стало неловко за свою тупость. Действительно, чего проще определиться с поисками, если природа сама подсказывает где искать золотоносную россыпь´

Корякин не унимался:

– А как взять золото´ Ну, драгу не будем брать, до нее еще далеко-далече. А вот на лоток как положить´ А-а´ ... Тоже не просто. А я знаю... Зимой, зимой надо, только умно распорядиться след. Летом то, как только лед сойдет, можно и перед снегом сразу – где накипь была, поставь сруб на мху. И чтоб высота его самой большой наледи выше была.

Как вода пойдет, мокрым снегом промажь пазы-то, чтоб вода внутрь не попала, да и проморозь наносы. А потом возьми их на пожар, частями. Затем дальше проморозь, опять дальше. Но берегись – мерзлую корку снизу не трожь, блюда строго – иначе весь труд на-смарку. Опасно это, мил человек. Вода то снизу не шутка, может так давануть, что и выскочить не успеешь... Бывало... За то фарт надежный. То-то... А вы тут сидите который год, жопу свою и тундру мучаете.

Корякин сильно захмелел, но по-прежнему живо реагировал на вопросы. Мне давно хотелось подробнее узнать о его судьбе: откуда он, где жил, работал, кто его родители, жена – мать Янги, за что срок получил и т.д. Но Егор Данилыч был неприступен. Он никого не подпускал к себе – я это понял еще там, на АЯМе, в землянке у дорожной будки. Общение с ним со дня моего приезда было сухим, почти официальным: вопрос – ответ, все по делу. Лишь в редкие дни, особенно после бани, когда Янга садилась к нему на колени, обнимала за шею, расчесывала редкие седые пряди, заглядывая в глаза, он добрел – черты лица становились мягкими, располагающими к беседе. Ему и самому, видимо, хотелось поговорить, рассказать что-то.

Мне показалось, что сейчас наступил именно такой момент.

Я разлил остатки коньяка, поднял кружку.

– Егор Данилыч! Янга! У меня тост... Давайте выпьем за здоровье моих родителей. Они живут в Чульмане, наверное, сегодня вспоминали обо мне. Родители всегда помнят день рождения своих детей.

– О-о! Молодец, начальник! За это надо обязательно выпить.

Мы стукнули кружками, глотнули.

– А где родилась Янга? Кто ее мама?

Корякин вздрогнул, насупился.

– Ты вот что, парень! Что про Улю знаешь – помолчи в тряпочку! Не бери душу! Не твое это дело, понял?

Наступило неловкое молчание. Я не знал, что это запретная тема, не знал и имя ее матери.

– Вы почему сердитесь, Данилыч? Чем я Вас обидел?

– Почему, почему? – хреном по кочану!... Ладно, прощаю – не со зла ты, видно... А про жизнь свою расскажу, коли слушать будешь... Только слушать – слушай, а врать не мешай... Сам то я из Сибири западной, тарский. Родился как раз под новый век на берегу Иртыша. Знашь, поди, что земля энта Ермаком у хана Кучума отвоевана. Потомки мы его. Жили, хлеб растили, грибы солили, рыбу ловили, охотились. Все так, отец, дед – из поконов веку. Мне тоже надобно было хозяйство заводить, дом ставить, невесту искать-подбирать... А тут перед гражданской слух прошел – золото де на Амуре и на притоках Лены много шибко – кому подфартит, сразу богачом станет... Оно и раньше известно было, да только тут волна пошла. Многие наши клюнули. Мне тоже, молодому шлея под хвост – размечтался. Собрал ватагу из трех парней, деревенских наших и на восток – по железке, товарняком. Долго ехали-приехали, в Ларинске сошли (это Большой Невер нынешний), откуда колесный тракт на север шел, к приискам Тимптонским.. Тут кто куда – не получилось вместе. Я на Ольдой сначала завербовался – не пондравилось – не бригады – пьянь одна, бандюги; потом на Уркан попал, оттуда в Зею, на Селемджу. На Селемже экспедиция собралась на Алдан, кружным путем через Тугур, вдоль моря Охотского. Тайно, чтоб промышленники Ларин да Опарин не прознали. Боровиков командовал. Меня зафрахтовали – крепкий, здоровый был. Да и лотком уже научился дрычить не хуже других. Год почти по тайге и горам шастали, только золото не нашли, хотя помыли наносов то-о-о... Вроде знаки везде были, а фарт не шел... Когда народу много – толку мало. Да-а-а... Дальше пошло само собой: освоился, в любую артель попасть мог... Сам людей водил...

Корякин помолчал, что-то перебирая в памяти. Потом, видимо, вспомнив мой вопрос, продолжал.

– А Уля – что? Уля – боль моя, и радость моя до гробовой доски. Я ее, милую, в горах нашел – в Янгах, что вдоль амурских покатей тянутся. Гольцы такие на Ононе да на Гилую есть. Белые всегда, когда панты с изюбрей снимают. От того и имя девочке нашей дали краси-и-вое. Да и сама дочка хоть куды получилась – не видишь, разве? На зависть всем. Тебе ж тоже нравится, а? Чё молчишь?

Он погладил Янгу по голове, залюбовался ею, склонив голову. Девушка засмуцалась, стала разливать чай.

– Мы славно жили тогда в кочевьях. Таборились по Нюкке, Ларбе, Моготу, Малому Гилую. Уля-то, жена, эвенушкой была, из рода Улэбир – охотница, хозяйка отменная. Отец ее сгинул в тридцать пятом годе, в лагери, видно: как взяли – так и пропал. Долго ждали – не вернулся. Шаманом он был, на всю округу славился – с Благовещенска да Свободного лечиться приезжали. А как колхоз «Первое мая» на Геткане образовался (сейчас он на устье Тынды стоит), мы с мамкой на Алгаму подались, не хотели добро нажитое да олешек другим сдавать. Я еще раньше в тех местах бывал – золотишничал, соболя, белку бил. Обосновались на Тарыннахе, в среднем течении, обустроились как надо, надолго. Там и Янга родилась, сам принимал. По Тарыннаху-то зимой накипь огромная образуется. Некоторым летом не стаивает полностью. В тех местах вообще наледей много. Удобно – всегда корм сочный для оленей, прохлада. Рыбы сколь хошь. А по теплу, по жаре как комар, паут пойдет, мы Янгу в коробушку, к оленю приторочим и на Чокатай – к перевалу. Там простор, ягель нетронутый, ветерок свежий; сыро, правда, но оленям благодать – сибиктэ кругом, маслят навалом, – это их лакомство, сразу жиреют... Часто чум на Алгаме против двуустья ставили – в листовке. Красивое и удобное место для летовки. В этих двух речках – Колбочи и Гаринге, – что в одно место падают, хариус отменный водился, нерюю по-ихнему, а в самой Алгаме вот такие тальмени да ленки плавали. Насолил, бывало, накоптим – на ползимы хватало. Да и зимой ловили – подлёдно... Уля то сети плела, из жилки звериной. Мастерница была-а ..., что одежду сшить-починить, что шкуру выделывать иль седло поправить.... А кумаланы какие делала! Сказывали, на ярмарке учурской равных не было..., в музей свезли.

– А в сильные морозы мы в избушки перебирались – я срубил в тайге несколько, где охотиться можно – на Артыке, на Горунче. В избушках каменки сложил – всегда тепло было. Охота близко, и по накипням куда хошь уйдешь. Зимой на Тарыннахе, а лето пришло – опять на перевал, на Становой... Кое-где *голомо* поставил – это получум такой из расколотых жердей, теневой шалаш по-нашему что ли, для оленей. Где надо, лабазы для вещей, для продуктов были...

Корякин мечтательно потянул:

– Да-а-а... Золотое было время. Молодые, ядреные, без нужды – чего бы не жить? Янга стала подрастать, уже ходить начала, слова первые складывала.... А тут проездом случись караван какой-то – с Нуямки шел. У нашей стоянки, чуть ниже, на островке, лагерь образовали – не прогонишь ведь, больше недели жили. Чего делали – я так и не понял. С наганами. Еще пожар нам учинили верстах в двух от табора – хорошо дождь пошел, загасил быстро. А то бы – прощай пастбище!... Ознакомились, конечно. В гости друг к другу ходили. Да только наше знакомство скоро бедой развернулось... Парень там был, начальник ихий, говорил, уполномоченный НКВД, молодой, да нахальный такой. Начал к Янге приставать. Как я на рыбалку али оленей смотреть, он к ней, в чум. Уля возьми да и пожалься мне....

– Э-э-х! Судьба-судьбинушка... Кто ж знал, что так получится? Надо бы сняться да откочевать, а я... В общем набил я ему морду-то в кровь, чуть не пристрелил. Только и меня взяли. Повязали сыромятиной, руки за спину да к оленю, словно собаку, на привези в Бомнак повели... На вторую ночь, как подальше отошли, я пута то перегрыз и домой, п темну. Дорогу хорошо знал, упомянул – на Чапу по Колбочи пошли. Уля ждала уже: знала, все равно сбегу, вернусь, не из тех. Быстренько монатки собрали, чум, оленей, кто от матки далеко был, отбилсь – бросили, да в крест долины по распадкам и убегли. Думали, погоня будет.... Да куда им, с караваном... А догнали бы – пострелял всех.

Светильник начал мигать. Старик взял лампу, покрутил, придерживая стекло корявыми пальцами, поставил на место. Огонь вспыхнул с прежней силой.

– Ну, а дальше... Дальше жизнь колесом пошла, не позавидуешь... Война ведь уже была. На Сутаме, где мы табором стали, бригады золото мыли – все для фронта, все для победы! Куда денешься? Пришлось в артель ступить. Зато бронь дали, сюда вот послали – на Бурпалу..., старые отвалы перебуторивать....Здесь я и потерял свою мамку...О-хо-хо-о!...Все! Точка! Не хочу больше душу бередить....

Корякин встал, шатаясь, вышел во двор. Вернулся минут через пять, опустился на нары, помолчал немного, потом ласково произнес:

– Ты, дочка, иди отдыхай, устала сёдня, притомилась ведь. К нашим пьяным разговорам тебе какой интерес?

Янга не стала упрямиться, тихо поднялась и пошла к двери. Она действительно устала. На пороге оглянулась, мягко склонила голову и, улыбнувшись, помахала мне пальчиками.

Старик пересел за стол, поковырял вилкой в сковородке, есть не стал, только отпил холодного чаю. Видно было, что-то встревожило его. Конечно, он видел, как Янга попрощалась со мной.

– Ты, эта..., Володя, – он впервые назвал меня по имени. – Слышь? Янгу то не тронь...Чистая она....Ребенок ишо.

– Да что Вы, Егор Данилыч!

– Не тронь, говорю, – сказал он жестко. Потом смягчился:

– Не надобно..., не пришел еще час... Ради нее живу..., – Корякин отвернулся к окну.

– А не то – смотри...

И замолчал, подперев ладонями лоб. Наступила тягостная тишина. Стало слышно, как под нарами скребутся и пищат мыши, да за стеной похрапывает конь. Корякин дышал тяжело, прерывисто, скашливая мокроту. Потом глубоко вздохнул, крепко сжал челюсти. Я увидел, как на клеёнку упали две крупные слезы.

– Помру я скоро, Володя....

Корякин убрал руки, положил их на стол, качнул головой в сторону постели.

– Там... под нарами... белье... чистое.... Ты, эта... Если чё, сведи Янгу в Нагорный, к экин, не бросай ее здесь... Пожалуста... Да не напутай. Экин – тетка по-эвенкийски, сестра моя... Мария... Малиновская по мужу... Только не ходи на Токариккан – гиблое место летом... Маята.... По Тимптону сподручнее будет, вдоль берега ...

Он сильно икнул. Потом, медленно расставляя слова, произнес:

– А Сеньку Верт-ля-ва... Вертля-е-во-го... в гробу достану....

Голова его упала на грудь. Он опять надолго закашлялся. Затем тяжело поднялся, твердо сказал:

– Ладно, поздно уже, давай спать... Да и карасин кончается... Завтра назначь выходной.

– Хорошо, Данилыч!

Беда



Наутро Корякин, как обычно рано, не вышел во двор. Вообще не вышел. Часов в девять я зашел в дом, чтобы убрать посуду. Он лежал неподвижно, глядя в потолок. На меня не взглянул. Согнутые в локтях побелевшие руки безжизненно покоились на сером покрывале, рядом лежала тряпка с темными пятнами загустевшей крови.... Вечером ему стало совсем плохо, поднялась температура, начался озноб. Ночью кровь пошла горлом

...Умирал Корякин трудно, тяжело – хрипел, стонал, вскрикивал в забытии. Что-то постоянно булькало у него в груди,

временами прорываясь наружу, марая постель и одежду. Мы в растерянности не знали что делать, чем и как помочь. Янга не отходила от него. Даже ночью она сидела рядом, держала его узловатую безжизненную руку, часто смачивала иссохшие растрескавшиеся губы, накладывала на лоб мокрую тряпицу. И сама время от времени стонала, покачиваясь из стороны в сторону:

– М-м.... м-м....

21 августа, рано утром Егор Данилыч скончался. Я узнал об этом, когда Янга в темноте откинула полог палатки и села на край моего спального мешка.

Мы были в шоке. В 9-30 часов я связался по радио с Дорожным и сообщил о случившемся. Начальник группы передал печальное известие руководству экспедиции, откуда назавтра пришло распоряжение организовать похороны и ожидать дальнейших указаний. Радиосвязь с Дорожным теперь стала ежедневной.

Похоронить Корякина оказалось непросто. Мне никогда не приходилось иметь дело с покойниками, я не знал, что и как предпринимают в таких случаях. Однако в тот же день мне пришлось мобилизовать свои силы – помощи ждать было не откуда, волей-неволей все заботы пришлось взять на себя. Янга стала просто недееспособной. Нет, она не плакала, не рыдала. Просто ее организм полустыл, погрузился в какое-то аморфное состояние. Теперь она большую часть времени сидела на завалинке, совершенно отрешенная, глядела в одну далекую точку или бессмысленно ходила туда-сюда, натываясь на предметы. Мои распоряжения выполняла медленно и лишь после настойчивых и строгих напоминаний. Как не понять ее горе?

Первую ночь я почти не спал. Разные мысли копошились в мозгу: где похоронить – во что одеть – из чего сделать гроб – что делать с Янгой – с работой – с собой, наконец – И многое, многое другое... Со смертью Корякина как будто оборвали якорь, лишили устойчивости, но вскоре я понял, что надо взять себя в руки, принять конкретные взвешенные решения.

Наутро я согрел воду, раздел и обмыл охладевшее тело Данилыча, достал из-под нар деревянный обшарпанный ящик-чемодан, изготовленный в шип, – там действительно оказалась пара чистого солдатского белья военного времени - кальсоны с длинными вязочками и рубаха без пуговиц. Было и еще кое-что из одежды, а также несколько выделанных белых шкурок и одна колонковая. На дне ящика лежала плоская банка из-под леденцов «Монпансье», в которой находились справка об освобождении из лагерного пункта «Васильевка», затертые метрики о рождении Янги, выданные Советом депутатов трудящихся пос. Дамбуки в апреле 1940 г., свидетельство о браке гражданки Ульи из рода Улэгир и гражданина Корякина Егора Даниловича, какие-то квитанции и фотография четырех мужчин в косоворотках среди только что распустившихся кустарниковых березок.

Один из них, красивый высокий парень, с густыми усами, в рубахе, подпоясанной тонким ремешком, стоял в полуоборота. Это, несомненно, был Корякин. На ногах его были ичиги, на голове – лихо сдвинутая на затылок фуражка, видимо, с красным околышем. Другие фигуры, в шляпах, с котомками за плечами выглядели угрюмыми, чуть ли не злобными – явные приискатели с весьма сомнительной биографией. И еще. В уголке чемодана я нашел небольшой мешочек из ровдуги – оленьей замши, туго перетянутый обвязкой, пришитой ниже тонко нарезанной бахромы. С одной стороны мешочка красной шелковой нитью были вышиты слова «Уля, Егор», а с другой – диск солнца с лучами над простеньким горным ландшафтом. В мешочке находились горстка золотого песку и небольшой, с десятикопеечную монету, корявый окатыш – самородок желтого металла.

Гроб получился некрасивый, кривой, с большими щелями – простой деревянный ящик из дранья, сорванного с боковой части сены. Настоящих пиленых досок на прииске не было – все столярные и плотницкие работы выполнялись топором да короткой пилой-двуручкой. На дно ящика я постелил войлок, насыпал свежей лиственничной хвои, веток болотного багульника, закрыл все это разорванным белым вкладышем из спального мешка. Приготовил веточки брусники с поспевшими красными ягодами, кустики белого лишайника, чтобы уложить их вокруг покойного. Вечером взял кайло, лопату и пошел копать могилу.

Погост старого прииска находился примерно в полутора километрах от избы, на сухом пригорке, поросшем ольхой и тонкими стволами осинок. Рядом находился ручей, в отложениях которого искали золото. Мы почти каждый день по тропинке ходили мимо этого места, направляясь на работу или для рыбалки на Бурпалу. Кладбище состояло из двух десятков заросших могил, над которыми стояли покосившиеся кресты, лежали полусгнившие столбики. За кустами ольхи их почти не было видно. Лишь одна могила выделялась своей относительной свежестью, она находилась на самом краю речной террасы, открытая к югу, к обширной долине Токарикана. На могиле не было никакого опознавательного знака – просто это был затянутый брусничником холмик. Здесь я и решил упокоить Корякина. Грунт оказался податливым – под дерниной залегал мелкозернистый песок с небольшими прослойками гальки. Мерзлота располагалась на глубине 1,2 – 1,3 м. Так что работу окончил достаточно быстро – к обеду следующего дня могила была готова.

Теперь предстояло самое трудное – положить тело в гроб, доставить его на погост и опустить в выкопанный шурф. Не буду описывать предпринятые мной хитроумные действия, граничащие с изобретениями. Если бы не Майка, запряженная в волокушу со связанными жердями, мне бы пришлось совсем туго. Но всё когда-то кончается. Кончились и мои физические мучения, когда тяжёлый гроб опустился, наконец, на дно холодной траншеи. Янга по-прежнему была безучастна – состоянием психического потрясения не проходило. Что делать? ... Перед тем как взяться за лопату, я обнял ее за плечи, хотел сказать несколько заранее продуманных фраз, но они вдруг исчезли. Я только и произнес:

– Крепись, Янга. Вместе мы переживем это горе.

Вот и все. Мы остались одни. С детства, в тайге и в горах мне много, много раз приходилось быть одному, без провожатых, далеко от жилья, и никогда я не чувствовал такого одиночества, как теперь. Казалось, мир живых людей, так нужных именно сейчас, способных помочь, подсказать, утешить сдвинулся за бесконечность, исчез надолго, навсегда....

В четверг 24 августа поступила радиограмма следующего содержания:

«Бурпала. Русакову тчк В связи с кончиной рабочего Корякина горные работы прекратить тчк при закрытии шурфов строго соблюдать технику безопасности тчк Материалы опробования упаковать, приготовить отправке зимним видом транспорта тчк Экспедиционную базу законсервировать тчк Обеспечить выход группы лошади пункт Дорожный тчк Дата выхода, маршрут по своему усмотрению тчк Начальник партии Березкин».

Что ж, распоряжение начальства меня вполне устраивало. Березкин знал, что я остался фактически один и продолжать шурфовку не смогу. Присутствие Янги, дочери покойного, лишь усугубляло мое положение, так как обязывало обеспечить ее безопасность и выход в ближайший населенный пункт. До открытия зимника оставалось более двух месяцев – какой смысл сидеть здесь без продуктов, в безделье? Потому начальник партии и принял такое решение.

Я же не стал торопиться.

Старая лошадь



Даже мой маленький жизненный опыт подсказывал: в трудных психологических ситуациях надо заняться работой. Займите себя делом, и вы постепенно утратите напряжение, приобретете спокойствие, примете верное, взвешенное решение. После похорон дел было много, но я почему-то поймал лошадь, и стал приводить ее в порядок. Впрочем, ловить ее не было надобности. Она давно привыкла к своей обители, не уходила за пределы видимости, может быть, боялась волков и своей беззащитности. Стоило покричать: «Майка! Майка!», или посвистеть, она всегда приходила на звук. Майка была

старая, престарая. Именно такую старую лошадь с отвисшими губами, облезшей шерстью, редкой гривой и жиденьким хвостом я видел в школьном учебнике «Основы дарвинизма» рядом с портретом Евтихеева, лицо которого полностью (даже лоб, нос, веки) поросло густыми волосами. Некоторых передних зубов у лошади не было, а коренные стерлись почти до основания, да и те были не все. Попала Майка сюда еще до начала Великой Отечественной. Как и откуда – никто не знает. Но с тех пор была «невыездной», т.е. всю свою трудовую жизнь провела в окрестностях Бурпалы. Возила на полозах ящики с грунтом, лес на дрова и постройки, крутила ворот у шурфов и лишь иногда ходила под седлом. Более всего она таскала волокуши с тяжелыми листовенными бревнами. Сено ей никогда не носили, не готовили, лишь изредка подкармливали протухшим зерном с мышиным пометом, подкидывали остатки людской пищи, а в конце зимы ...давали веники из кустарниковой березки, которые в большом количестве заготавливали летом и держали на вешалах под крышей бани. Но это было так редко.

Всю зиму Майка сама копытила для себя корм, как большинство низкорослых якутских лошадей, унаследовавших это качество от своих диких предков из Верхоянья и Индигирского края. К весне она превращалась в форменный скелет, обтянутый кожей, но преобразалась с появлением зелени, становилась даже округлой, жирноватой, если не было много работы. Сейчас, конечно, наступило другое время. Старость никого не украшает, а плохие челюсти не способствуют ожирению. Глаза Майки слезились, левый глаз с бельмом почти не видел. Чувствовалось, что у лошади, как у многих охотничьих собак, сильно болят ноги от ревматизма. Попробуйте-ка так долго «босиком» бродить по нашим холодным рекам....

Копыта у кобылы оказались никудышными, их никогда не ковали, не подрезали, не лечили. Местами зияющие трещины проникли до хрящей, до самого мяса. Это приносило животному нестерпимые страдания. Потому она часто ложилась или поднимала ноги, хотя это состояние не характерно для ее собратьев. Майка не сопротивлялась, но и не выражала особого удовольствия, когда я рашпилем и острым ножом подтачивал и подрезал выступающие, расплзающиеся части копыт. Я скрепил их заостренными металлическими скобами в надежде, что роговые опоры не развалятся в ближайшее время. Затем, уже вместе с Янгой, мы еще раз очистили, расчесали и подрезали челку, хвост и гриву, свели лошадь к небольшому озерку с прохладной водой, помыли, поскребли круп, шею, голову, удалили многочисленных насекомых, смазали вазелином ранки. Я громко разговаривал с Майкой, хвалил ее, подбадривал, обещал накормить овсом, когда придем в Нагорный, энергично похлопывая по щекам и мышцам. Лошадь преобразилась, повеселела, да и мы почувствовали облегчение, получили удовольствие от проделанной работы.

Потом начались другие заботы – баня, уборка, выходы к шурфам, промывка ранее отобранного грунта на лотке, заготовка и подвозка дров, сбор грибов, ягод и прочее.. Постепенно, уже без Корякина, мы втянулись в новый ритм жизни, можно сказать, пришли в норму - наше горе отступило, отодвинулось. Янга стала улыбаться, с охотой выполнять все мои поручения.

28 августа сильно похолодало, выпал глубокий снег. Пришлось переселиться в дом. Затопили печь и ощутили настоящее блаженство. Вечером пили чай, заваренный брусничным листом (обычный давно кончился), похрустывали сушеными гальянчиками, глядели в окно и дивились непривычному пейзажу – кругом было белым-бело от снега. Что-то праздничное, волнующее, давно бродившее нахлынуло на нас, приблизило друг к другу. На нарах было тепло и уютно. По стенам прыгали блики затухающего огня, о чем-то мелодично напевал забытый на плите чайник. Кто осудит молодость´ ... В эту ночь даже далекие звезды одобрительно подмигивали друг другу, глядя как над темной одинокой избой, затерянной в бесконечном пространстве, долго, долго кружили и о чем-то шептались белые ангелы.

Жизнь вступила в очередную фазу....

Сборы



С началом сентября по утрам стало подмораживать. Снег давно растаял. Лишь далекие округлые вершины Станового хребта и пики Бруингры по-прежнему белели на фоне бледно-голубого осеннего неба. Тревога ушла, на душе стало светло и спокойно. К этому времени я уже принял решение – выходить в Нагорный через Токарикские болота, на юг до пересечения со старой гужевой дорогой-тропой, идущей по подножью Станового хребта, и далее на запад, через заброшенный прииск Дорожный – к АЯМу. Здесь, на Дорожном, предлагала работать еще одна группа Березкина, с тягачом ГТТ, которым, при случае, можно было воспользоваться, доехать до автомобильной дороги. Был и другой путь – по весеннему маршруту в Золотинку или по берегу Тимптона, как советовал Егор Данилыч. Однако пере-

права через Тимптон с нашей дряхлой лошадейю сопряжена с большим риском - подходящего брода можно и не найти, а поход по берегу без тропы – не радость для путника; к тому же он удлинит маршрут по меньшей мере на 40 – 50 километров. Более всего мне, конечно, хотелось быстрее попасть к людям, домой, к своим коллегам-геологам. Истекал и обозначенный в деканате срок моей преддипломной практики.

Выход наметил на 12 сентября, субботу. А до этого срока надо было завершить уйму начатых дел, прежде всего, закрыть, т.е. заполнить вынутым грунтом пройденные горные выработки – так положено по инструкции. Жаль, мы не сделали этого вместе с Корякиным: он все откладывал, ссылаясь то на недомогание, то на плохую погоду. А я не настаивал.

На практике горняки-проходчики не засыпают шурфы, идут на своеобразную уловку, сокращая объем своего труда. Они разгораживают с верховой стороны грунтовый вал вокруг выемки, устраивают водосбор, по которому стекающая со склона дождевая и надмерзлотная вода быстро заполняет емкость. Зимой вода в шурфе замерзает, а летом оттаявший грунт в озерке оплывает, постепенно затягивая полость – в результате на месте работ остаются лишь земляные валики да наклонные вехи с номерными знаком, не более. Пойди, проверь!

Каюсь, я поступил точно также – в течение недели шурфы заполнились водой и таким образом полевой сезон можно было считать законченным. Одновременно я привел в порядок свои дневниковые записи, оформил наряды на выполненные горные работы, составил ведомости отобранных проб, пронумеровал заново мешочки со шлихами, почистил, прибрал шанцевый инструмент, упаковал и опечатал радиостанцию, починил выючные мешки-баулы и многое другое из того, что всегда наваливается перед отъездом с насиженного места. Все это я выполнил с активной помощью Янги значительно раньше намеченного срока, так что последние три дня мы провели в свободном режиме: сходили на озеро и сняли корчажки, разгородили заездок на Бурпале да еще и поохотились на выводок подросших глухарей, что обитали неподалеку от 12-й линии по ту сторону реки. Тогда же в осиннике я застрелил крупного зайца-беляка. Пойманную рыбу подкоптили, глухарей ошипали и сварили, зайца зажарили. Из старых продуктов оставалась только перловая крупа («шрапнель»), да немного подмоченной вермишели. Мука закончилась: хлеба после похорон Егора Данилыча мы уже не ели, налегали на грибы.

Должен сказать, Янга в последние 10 дней окончательно вернулась к своему прежнему состоянию. Более того, она заметно похорошела, оживилась, перестала хмуриться. Часто во время наших походов она забегала вперед, преграждая путь, и, кокетливо сложив губы, покачивая бедрами и головой, напевала:

– Ны-ны..., ны-ны...ы-ы...а-а...у-у-у....

Мне это очень нравилась. Я любовался ею, говорил:

– Какая же ты красивая, Янга.

И это была правда. Я также заметил, что девушка стала издавать новые звуки. Иногда она как будто специально отходила в сторону и упражнялась в мимике, скрывая это от меня. Где-то я читал, что некоторые немые, те, кто владели речью, после сильных стрессов снова заговаривают. Подумалось: не такой ли процесс начинается у девушки? Вот было бы счастье!

Токариканские болота



Погода установилась великолепная, обычная в это время на юге Якутии. Осинки сбросили свое расцвеченное пестрое покрывало: последние листочки крутились под лучами ласкового солнца, ерник на болотах превратился в темно-багровый ковер, под которым выглядывали куртины зеленого мха на ослепительно белом фоне лишайников. Пожелтевшие лиственницы стояли торжественные и неподвижные. При легких неожиданных порывах ветра с них уже начал слетать золотистый хвойный дождь. Свежий прозрачный воздух открыл новые горизонты: на востоке стали видны зубчатые вершины Гонамского хребта, а на западе – округлые дальние сопки где-то за пределами бассейна Йенгры. На юге поднимались к небу знакомые, до сих пор заснеженные вершины хребта Бруингра. Рано утром и по

вечерам над просторами Токариканской долины носились стаи уток – наша надежда на дальнейшее пропитание. Комары почти исчезли, хотя мошка усилила полуденные атаки – более всего она беспокоила Майку, сбивая ей дыхание, залепляя глаза. В небе над расцвеченной тайгой курлыкали журавли.

Настроение было приподнятое, почти праздничное. Я рассчитывал, что выйдя с базы 12 сентября, мы успеем прийти в Нагорный до начала очередного циклона с холодным затяжным дождем и снегом. Обычно он обрушивается 18 – 19 сентября. Тогда же начался массовый перелет гусей. Накануне все было готово к маршруту – оставалось лишь завьючить лошадь, подпереть колом дверь и навсегда распрощаться с нашим домом, ставшим таким родным, таким близким.

Токариканская котловина представляет собой плоскую равнину длиной около 100 км и шириной до 50 км, выполненную мощной толщей рыхлых четвертичных отложений, которые на глубине 300 – 500 м подстилаются юрскими песчаниками и алевролитами. С юга и севера ее обрамляют субширотные тектонические разломы, которые маркируются уступами гор, сложенными архейскими и протерозойскими горными породами. Именно эти толщи являются поставщиками драгоценного металла, который сносятся ручьями и реками и отлагается в русловой сети. Котловина проморожена на глубину 200 – 250 м. В верхней части мерзлых грунтов залегают большая масса подземных льдов, вытаивание которых является причиной большого количества термокарстовых озер. Площадь некоторых озер измеряется десятками квадратных километров, но большинство имеет диаметр 100 – 200 м. Эти озера отделены друг от друга невысокими грядами, поросшими редкостойным лиственничным лесом или соединены извилистыми мочажинами, представляющими осенью труднопроходимые топкие участки местности.

Зимник в целом имеет прямолинейное направление, подходит к озерным котловинам, пересекает их зимой по льду и снова начинается на другом берегу. Так, по крайней мере, было вблизи нашей базы, так пунктиром помечено на топографической карте масштаба 1:100000. Я надеялся, что эта же тенденция сохранится на всем пути нашего движения до подножия Станового хребта. По берегу мы обойдем встретившиеся озера и сно-

ва выйдем на зимнюю дорогу. Это исключит возможное блуждание в случае потери видимости в дождливую погоду; в крайнем случае, можно будет ориентироваться по компасу, что, конечно, не желательно, так как придется бесконечно петлять между водоемами.

Боже мой! Как я ошибался! Почему не послушал Корякина? Не зря говорят: «Молодого зелено!» Однако все по порядку.

В назначенный день мы встали с восходом солнца. Трава и кустарники покрылись инеем. Майка будто ждала своей благородной миссии – стояла на лужайке, побрякивая колокольчиком, сделанным из консервной банки – его лишь вчера повесили на шею, чтобы на стоянках животное проще найти при кормежке. Вьюки были не тяжелые, по 15 – 20 кг каждый. Я без труда повесил их на грузовое седло, до упора затянув подпругу. Сверху положил палатку, одеяло, спальный мешок, чайник и два ружья – дробовое и мелкокалиберную винтовку ТОЗ-28, затем перекинул ременный «через», крепко завязал конец. Лошадь, не ожидая нагрузки, пятилась, приседала, потом успокоилась. По привычке перед выходом мы допили чай, перевернули оставшуюся посуду, надели почти пустые рюкзаки и тронулись в путь. На душе было грустно и тревожно, особенно после того, как наш маленький караван остановился у могилы Егора Даниловича. Прощание было тягостным. Стояли минут 10, склонив головы – каждый думал о своем... Потом пошли дальше.

Первые 4 – 5 км двигались легко. Я намеренно выбрал путь вдоль ручья по бровке невысокой сухой терраски, поросшей кустами кедрового стланика, черной ольхой и березками Миддендорфа. Под ногами шуршал покров глянцевых листочков толокнянки вперемежку с куртинами водяники и пучками осоки – верный признак глубокого залегания вечной мерзлоты. Местами встречались поляны, усыпанные крупными темно-бурыми ягодами брусники. Но вот терраска снизилась, стала сырой, замшелой, затем и вовсе исчезла. Шумевший сбоку ручей затих, русло завияляло, разбилось на узкие проточки, а потом растворилось в осоково-сфагновом болоте. Началась типичная марь с редко стоящими угнетенными корявыми лиственницами. Кто из сибирских таежников не знает этой неприглядной унылой местности? Не приведи Господь Бог идти по ней груженому, под лучами палящего, хотя и осеннего солнца, бьющего в лицо, грудь... Людям еще ничего, привычно, а вот бедную Майку дерново-моховой слой не выдерживал; с каждым шагом копыта ее погружались на глубину 20 – 30 см, их приходилось буквально выдергивать из глинистого грунта. К тому же мошка и невесть откуда взявшиеся оводы набросились на бедное животное – видно было, что подобная работа сейчас явно не для нее. Мы и сами взмокли, петляя между лужами, отмахиваясь от гнуса и чавкая болотными сапогами. Без обеда, пройдя не более 10 километров, выбились из сил. Солнце еще было высоко, но мы решили разбить лагерь. Кое-как нашли относительно сухой бугорок, быстро разгрузили Майку, поставили палатку. Лошадь так устала, так измучилась, что не пыталась отойти в сторону на поиски корма – стояла рядом, уткнув голову в клубы дыма от разведенного костра.

Только это были «цветочки». «Ягодки» начались на следующий день, когда мы в полдень, плохо отдохнувшие, не выспавшиеся, заново уставшие «вошли» в зону полигонально-бугристого озерного ландшафта. Позже я узнал, что это такое с точки зрения мерзлотоведа. Это территория, сложенная сплошной вечной мерзлотой, разбитая морозобойными трещинами, в которых образовались клинья льда шириной 2 – 3 м и высотой до 10 м. В плане подземные льды составляют пяти и шестиугольную сетку с диаметром ячеек 10 – 15 м. Внутри ячеек грунт пучится, при этом возникает бугор. В узлах полигональной сетки часто образуются небольшие озера, способные расширяться, соединяться друг с другом, образовывать настоящий коленчатый лабиринт. Когда бугры протаивают, проваливаются под действием тепла, озера возникают в центре полигонов. В этом случае на местности формируется так называемый ячеистый озерный комплекс. Сверху, с самолета он выглядит как леопардовая шкура. Проходимость такой местности чрезвычайно сложная, а подчас и невозможная. Все это я узнал потом, когда стал работать сотрудником Алданской научно-исследовательской мерзлотной станции СО РАН, а пока... Пока предстояло преодолеть это чертово болото, с виду ровное, даже красивое, но на

поверку изрытое, разбитое канавами, щелями, мочажинами, двигаться по которому было настоящее истязание. За день нам удалось пройти всего четыре километра, так что оглядываясь назад, мы по-прежнему видели свою базу на склоне возвышающегося горного хребта.

На следующий день бугры исчезли – вместо них появились плоские квадраты лесотундры, заросшие ерником, разделенные глубокими канавами. Стало еще хуже. В канавах воды практически не было, но преодолеть их лошади было очень сложно. Спуститься в понижение можно, только двигаясь под острым углом к бортам, при этом животное соскальзывало вместе с дерниной и погружалось по колено в тиксотропную, разжижающуюся глинистую массу. Подняться же на прежний уровень было еще труднее. Выюки постоянно сползали, падали, лошадь храпела, билась, жалобно глядела на своих хозяев, умоляя прекратить страдания. Нам было жалко животное.... Но что делать? Не возвращаться же. Весь день мы двигались зигзагами, выбирая участки посуше, и, наконец, достигли относительно ровной местности – плоскобугристый ландшафт сменился грядомочажинным болотом. Позади остались еще около пяти километров, но мы не прошли и половину пути.

Ночевали на берегу небольшого озера, в центре которого возвышался бугор высотой около 5 м, испещренный зияющими трещинами. Это был булгуннях – масса грунта, выпущенная в процессе многолетнего промерзания подозерного талика. Он существенно оживлял унылый, надоевший нам болотный пейзаж. Сварили ужин, попили «чаю» с голубикой. Настроение сразу улучшилось. Мы отдыхали у затухающего костра, помешивая угли. Стало прохладно. Огромный оранжевый круг солнца почти коснулся горизонта, осветив розовым цветом дальние горы. Кривые стволы обнаженных деревьев, кусты, стебли трав обрели четкие очертания, заиграли новыми, необычными красками. В темносинем небе таяли золотистые кучки высоких облаков. Сизый дым стелился по водной глади, мокрому лугу и кочковатой мари. Майка паслась рядом, фыркая, махала хвостом. Ничто не предвещало новой беды. К нам вернулись бодрость и уверенность в завтрашнем дне.

Проснулся я на рассвете от странного звука:

– Ш-ш-ы-ы.... Ш-ш-ы-ы...

Выглянул из палатки и увидел уток, плавающих по всему водоему. Одни из них взлетали, другие садились, плескались, ныряли. Кто-то свистел, трещал: си-си, тр-тр, кто-то кричал.... Странный звук издавали стаи низко пролетающих птиц. Вот уж истинный рай для охотника. Я не стал испытывать судьбу, разбудил Янгу и поддал ей дробовое ружье. Ба-а-х, бах! И на мокрую землю упало несколько криков. Пожалуйста, работа для хозяйки очага....

Вышли часов в девять, надеясь пересечь верхнее течение Токарикана, уходящего на восток круто извивающейся лентой, к Гонаму. Это центральная, наиболее низкая часть котловины. Обширные луга обещали более легкую дорогу. Они хоть и мокрые, заболоченные, но на глубине 25 – 30 см повсеместно ощущался твердый слой мерзлоты; не было этих проклятых канав с вязкой глиной и торфом на дне. Мне не раз приходилось ходить по таким сильно задернованным лугам, и я никогда не встречал опасных топей – подстилающая вечная мерзлота всегда служила надежной опорой. Вот и теперь я уверенно шел вперед, прощупывал для надежности путь палкой, ведя Майку в поводу. Янга замыкала нашу связку.

До полудня обогнули несколько больших озер, в которые, как реки, впадали широкие травяные полосы-мочажины. Их разделяли узкие, плоские и невысокие (30 – 50 см) гряды с одиночными низкорослыми листовенницами, покрытые ерником и обильно плодоносящей голубикой. От спелой ягоды гряды были сизыми. Продвигались довольно быстро, хотя лошадь почти по колено увязала в упругой, плотной дернине. Возвышения проходили легко – здесь Майка отдыхала. Мы уже почти достигли реки – оставалось преодолеть перешеек между двумя крупными (почти по километру в диаметре) водоемами с низкими берегами. Перешеек представлял собой ту же устойчивую поверхность, что и гряды.

Прошли больше половины гряды, и вдруг лошадь рухнула всеми четырьмя конечностями в невидимую яму. Повод дернулся, я оглянулся и увидел Майку, лежащую на животе – только выюки удерживали ее на поверхности земли. Она даже не могла шевелиться, под ней не было опоры.

Я кинулся к ней, выхватил нож и перерезал черезседельник. Выюки свалились в стороны. Затем опустил руки в торфяную жижу и освободил подругу. Майка в страхе забилась, пытаясь вырваться из западни, но стала погружаться еще больше. Что делать?! Как помочь животному? Наши жалкие попытки удержать лошадь были совершенно бесполезны. На виду у нас, охваченная страхом, совершенно беспомощная она уходила в бездну – над спиной скоро сомкнулись комки задернованной почвы, и только голова в уздечке с безумными глазами торчала из неведомой пропасти. Надо было принимать решение. Я взял ружье и выстрелил животному в ухо....

Так закончилась славная трудовая жизнь Майки – безропотной и беззащитной кобылы, преданной человеку, отдавшей все свои силы, пот и кровь людям, знакомым и чужим, ласковым и злым, добрым и жестоким – всем тем, кто в течение двадцати с лишним лет нещадно эксплуатировал ее, понукал, даже бил не только вожжами, но и палками, тем цивилизованным *существом* (нет других слов), которые не смогли обеспечить ее заслуженную старость в сытости и тепле, более того – даже не пытались вспомнить и никогда не вспомнят самое бескорыстное животное на земном шаре.

Я срубил несколько лиственниц, очистил их топором от хвойных веток, связал вершинки черезседельником. Затем с помощью Янги поставил все это над могилой Майки – получился остов чума, на который прикрепил седло и повесил сделанный из льняного полотенца белый флаг. С одной стороны жерди ограждали опасное место, а с другой – служили своеобразным памятником нашему верному спутнику. Ничего другого предложить мы не могли.

Что произошло тогда? В чем причина случившегося? Я не раз возвращался к этим вопросам и не находил ответа, пока несколько лет спустя не встретил и не изучил аналогичное явление у Горбыляхских озер, что расположены в долине одноименной реки, к востоку от Амура-Якутской магистрали. Дело в том, что на равнинной местности многочисленные термокарстовые озера, возникающие в результате частичного вытаивания подземных льдов, способны мигрировать, перемещаться под действием господствующих ветров. Подветренный берег озера постоянно разрушается, отступает, а противоположный постепенно зарастает, покрывается сплавной – дерном и торфом, которые в течение многих лет промерзают вместе с подстилающим слоем воды. Некоторое время зарастающая биогенная масса находится на плаву. Промерзание ее происходит неравномерно, в торфяной плите остаются сравнительно тонкие участки, которые к осени протаивают или утончаются настолько, что не выдерживают больших нагрузок и разрушаются. Именно в такую «дыру» среди мерзлых отложений и попала наша лошадь. Вместе с ней могли провалиться и мы, но Бог миловал.

Гибель Майки существенно осложнило наше положение. Пришлось перебрать, отсортировать и оставить часть груза, взять с собой только необходимое. Как ни старались мы уменьшить вес рюкзаков, ноша все равно получилась тяжелой и громоздкой. Личные вещи, документы, продукты, ружья, палатка, меховое одеяло, плащи, телогрейки, топор, посуда – без них невозможно обойтись в дальнем таежном походе. Впереди были более 100 километров трудной и неизвестной дороги.

Ночь прошла тревожно, беспокойно, но свежее утро взбодрило, принесло новые впечатления, новые заботы. Конечно, грустно было покидать стоянку. Позавтракав, мы вооружились палками, взвалили на себя рюкзаки и медленно двинулись на юг, к синееющим округлым вершинам Станового хребта – к великому водоразделу между Тихим и Северным Ледовитым океанами. Часто оглядывались назад, пока не скрылся из виду одинокий флаг на фоне медленно поднимающегося и ярко освещенного утренним солнцем горного массива Бруингры.

Что сказать о дальнейшем пути? Он был не менее трудным, более того – даже изнурительным. Долго искали переправу через Токариккан. Река в этом месте оказалась узкой,

но глубокой, с крутыми, обрывистыми берегами. Найти свалившееся поперек русла дерево не представлялось возможным. И срубить нечего – большие лиственницы здесь просто не росли. Прошло около часа, пока встретился топкий песчаный перекат, по которому, погружаясь выше колен, перебрались на другой берег. Увы, это оказался остров. И снова движение вдоль берега, сквозь ерник, по ямам-канавам, мочажинам и грядам... Дальше – не лучше. Та же заболоченная тундра, та же чавканье тяжелых сапог, та же всепроникающая мошकारа, забивающая нос, глаза, уши. Гнусом называют это исчадие ада. Куда уж гнуснее! Один нестерпимый зуд от укусов насекомых может свести с ума.

Особо трудный участок предстал в виде бескрайнего осокового болота с высокими, по пояс, кочками и ржавой жижей под ногами. С Майкой мы бы его не преодолели – это точно! Еще два полных дня ушло на штурм этого пространства. Лишь к концу пятых суток мы пересекли котловину, преодолев более 50 километров. Стоя на обочине старой колесной дороги, идущей с запада на восток, к жилью, оказавшись на сухом гравелистом месте, у подножия хребта, мы радовались, смеялись как дети, махали руками, прыгали и грозили кулаками:

– Мы победили тебя, коварный Токарикан!...

Это была действительно великая для нас, непридуманная победа! Уважаемый читатель! Если Вы когда-нибудь захотите испытать свою волю, выносливость, терпение, если Вам захочется, как сейчас говорят, *экстрима*, отправляйтесь в Токариканскую долину, пройдите это ужасное болото с севера на юг или наоборот, с юга на север, и Вы до конца дней своих будете гордиться собой, уважать себя.

Нагорный

Маленький брезентовый домик на сухом пригорке среди зарослей черной ольхи и березок казался нам раем. Измотанные, но счастливые, мы долго сидели у костра, любясь закатом и предвкушая скорую встречу с людьми. Звездное небо накрыло нас своим бархатным одеялом, окутало тишиной и не тревожило до утра. Я открыл глаза, когда солнце уже встало над горизонтом и нагрело воздух в палатке. По полу двигались узорные тени от листьев и стеблей кустарников. Щебетали птицы. Уютно потрескивал свежий костер. Янга разделявала оцепаненных вчера уток, напевала:

– Н-н... Н-н-н... А-я... А-я-я... Н-н...

Давно я не слышал таких интонаций. Это была эвенкийская мелодия, которую часто исполняют аборигены, становясь в круг, покачивая бедрами. Вот так сюрприз! *Ая* – эвенкийское слово, обозначающее «хорошо», «прелесть».

– *Экуна аяя гундес?* (Что хорошего еще скажешь?), – спросил я, откинув полог. Девушка, озорно улыбаясь, продолжала:

– Ая... А-я-я...

– Эх! А-а-я ... *Ая мурэли!* (Хорошо! Красота то какая!), – что еще мог сказать молодой человек, любясь девушкой и оглядывая залитую светом долину? Утро действительно было прекрасным.

....Путь до Нагорного, 75 км, занял у нас три дня. Коллеги-геологи на Дорожном встретили приветливо, сочувственно и с пониманием отнеслись к Янге – большинство сотрудников отряда знало ее по прошлому году и уважало Егора Даниловича. Рассказ о гибели лошади вызвал лишь формальное сожаление, все были уверены, что животное «зажилось», давно должно было умереть. Но все равно жалко... Расчет на ГТТ оказался напрасным – трактор стоял по середине Тимптона, залитый водой, – мотор заглох во время переправы. На другую сторону реки, откуда начиналась более короткая дорога к АЯМу, нас перевезли на плоту. Ночевали мы еще раз в старом бараке, на полпути к поселку. К Нагорному пришли под вечер в субботу, когда небо затянуло сплошной пеленой облаков. Резко похолодало, стал накрапывать дождь, вершины гор укрылись снежным покрывалом – я не ошибся в своих прогнозах. Путникам явно повезло. На спуске к реке Янга ожидалась, еще со склона горы указывала рукой на постройки, на автодорожный мост, на

двухэтажную школу, жестикулировала – она жила здесь много лет и отсутствовала три полных года. Я хотел пойти в шоферскую, сначала устроится на ночлег, но Янга потянула меня в сторону, вдоль берега к маленькому домику с сенями и одним окном, выходящим на юг. Домик стоял над рекой, у старой ряжевой стенки. Над ним метался под ветром синий дым.

На крылечке девушка сбросила рюкзак, быстро вошла в сени и уверенно, широко распахнула дверь. Седая пожилая женщина кинулась ей в объятия.

– А-а-а... Янга! Доченька! Откуда ты? – и зарыдала, запричитала.

– Ой, ой! Миленькая ты моя! Да где ж ты взялась? Ой, ой!...

– Ну, слава Богу! – подумал я. – Могло тетки и не оказаться вовсе.

Через некоторое время я ступил на порог, представился, вежливо спросил:

– Вы Мария Малиновская? Тётя Янги, да?

– Да, да, сынок. Проходи, проходи, садись. Ой, ой! Откуда Вы взялись-то?

– Мы из Бурпалы, пешком пришли..., – я сел на подвинутую табуретку. – Только вот весть нехорошую принесли. Егор Данилович помер.

– Ой, ой! Что ты говоришь-то? Ой, ой! Я так и знала... Сон-то плохой видела. Ой, ой!...

Постепенно женщина успокоилась, села на кровать, обняла Янгу.

– Прости меня, старую, сынок. Разволновалась я, аж сердце зашло. Расскажи-ка таперь подробности всё.

Я занес в сени рюкзаки, ружья, сел напротив и коротко поведал о нашей жизни, о работе на старом прииске, о том, что пришлось пережить, испытать в трудной дороге. Конечно, рассказал и о болезни, кончине Корякина, передал вместе с баночкой его документы, похвалил Янгу за находчивость, трудолюбие и выносливость.

– Да вы ж пристали. Путь-то не ближний. Да по болоту все. Давайте, я чайку сейчас наладжу. Ой, ой! Нет! Вы ж с дороги – потные да грязные все. Сёдня субота – баня завсегда. Вы в баньку-то сходите – не поздно еще, а потом мы спокойно поужинаем. Годиться так?

Я категорически отказался – хотел уехать в ночь, завтра намеревался быть дома и тогда уж обстоятельно, с парком, в отцовской бане отвести душу. Девушка охотно согласилась на предложение тетки. Та порылась в сундуке, собрала ей белье, и Янга вышла на улицу. Все здесь было ей знакомо. Мы остались одни. Женщина подложила дров в печь и начала готовить ужин.

– Тетя Маша, можно я буду так называть Вас?

– Ой, да о чем говоришь, сынок. Конечно, конечно, называй, как хочешь. Вообще-то я Мария Даниловна.

– Тетя Маша, а Вы не могли бы рассказать мне об Уле, матери Янги. Где она? Что с ней? Я пытался узнать у Егора Даниловича, но он рассердился, так ничего и не рассказывал.

– О-о... милый! Это жуткая история... Ты, я вижу, к деду хорошо относишься, да и Янгу привечаешь, заботился о ней. Тебе расскажу, только ты ни-ни, никому, да и Янге не проговорись, смотри.

– Обещаю, тетя Маша.

– Ну, тогда слушай... – Мария Даниловна приблизилась ко мне и прошептала:

– Улю-то Егор загубил.

– Как загубил?

– Убил он ее.

– Да Вы что, тетя Маша!

– Вот тебе и что... Давай, по порядку расскажу все. Егор Данилыч – брат мой родной, ближе некуда. Мы из под Тары, за Омском это. Сюда-то давно приехали, хотели золото добыть, разбогатеть. Да где там... Егор золотишничал в разных местах, ан ничего так и не добыл. Тут и остались на всю жизнь. В скорости из Тары Петруша Малиновский приехал, стрелись мы с ним, да и поженились. Он некоторое время с Егором в бригаде был, подружались они. Вместе охотничали, рыбу ловили. Потом Петруша карбаса стал сплав-

лять по Тымтону – как вода большая придет, они и в путь: два-три дни – и там, на устье. На Алдане, значит. А карбаса вот тут грузили, у стенки, еще осталось что-то. А однажды поплыл, уже дорогу на Незаметный пробили, да и не вернулся – погиб он на пороге... Потонул со всем грузом... Одна я осталась...

Женщина всхлипнула, вытерла фартуком наворачнувшиеся слезы.

– Егор невесту себе нашёл – Улю-то. Эвенушка она, но красивая была-а, на всю амурскую тайгу славилась. Как поженились, он ее на Алгаму увез, лет пять там жили одни. За продуктами и товарами в Дамбуки или на Сутам ездили. Там и Янгу сродили. А потом беда случилась – подрался Егор, да не по пьяну – из-за Ули, заревновал сильно проезжего парня. Ну, его хотели в Бомнак свести, в камору посадить, а он возьми да сбежи. На Бурпале стали жить. А тут в сорок третьем годе к нам Сеньку Вертляева прислали – милиционером работать. Тогда в Нагорном еще райцентр был, это потом его в Чульман перевели. Сенька-то тот парень окажись, которому Егор «норку» начистил за Улю-то. Вертлявый как узнал, где Егор с Улей живет – и туда. Повестку оформил в армию идти, на фронт, значит. Стрелись они, конечно...

Тетя Маша вышла за чем-то в сени. Я воспользовался моментом, осмотрел избу. Она была маленькая, 3х4 метра. Слева у входа стояла небольшая кирпичная печь с плитой, рядом кухонный шкаф с занавеской, дальше двуспальная железная кровать с множеством подушек, уложенных друг на друга. Над кроватью прибит гобелен с картины И. Шишкина «Утро в сосновом бору» с тремя медведями, у окна – столик с нависающей электрической лампочкой без абажура, в правом углу большой сундук, переплетенный жестяными полосками, дальше табурет, два стула и платяной шкаф. Вот и вся обстановка. Да, еще: на стене против кровати висели часы с большими крашенными цифрами, выдавленными на металлической пластине, с продолговатой гирькой, подвешенной на цепи. Рядом в рамке под сколотым стеклом размещались с десяток пожелтевших фотографий. Это были типичные апартаменты одиноких женщин тех времен. Много их тогда было, после войны.

Вошла Мария Егоровна, стала чистить картошку, продолжая рассказ:

– Ну вот..., значит. Сенька-то вручил Егору повестку на фронт и говорит:

– Ты думаешь, Егор, с Улей-то у нас тогда ничего не было, да? О-о..., было, еще как было.

– Брешешь, стервец! – брат сильно занервничал.

– Да нет нужды, правду говорю... Чё, тебе доказательства нужны? А ты посмотри у своей жены промеж ног – там пятно родимое вот такого размера.

Тут Егор-то сдурел, горячий был, бегом в избу, где жили. У крыльца чангай схватил, да не разбираясь ни в чем, Улю-то и ударил, сразу забил до смерти. Ой, ой... Страх-то какой... А Янга рядом была – спугалась сильно... С тех пор и не говорит... Бедная девочка.

Я был потрясен.

– Неужели так было?

– Было, сынок, было... Да это не все. Егора то когда взяли, заковали в наручники, в Нагорный привезли. Тут Вертлявый пришел к нему в камору, радостный такой. Я, говорит, новость пришел тебе сообщить. Ты думаешь, Улю я поимел тогда на Алгаме? Нет, не было ничего – не далась она, Егор. А про пятно родимое я у женщин выведал – языки-то их, что тряпка на ветру. Ну вот, говорит, теперь мы с тобой в расчете. Повернулся и ушел. Ой, ой... Что тут было... Егор углы грыз. Порешить себя хотел... Судили его, конечно, десять лет дали... И отбыл он их от звонка до звонка... Янгу мне пришлось забрать. Р стила, как могла – трудное время было, голодно, холодно. Ну, ничего, подняла. Учить пыталась. Тут учительница была, молодая така, Татьяна Ивановна... Ласковая, добрая. Она с ней занималась, читать, писать учила. Хорошо все шло.... Не все ладно, но хорошо. На уроки в школу ходила, наравне со всеми.

Мария Егоровна поднялась, пошла к печи, налила из бутылки масла на раскаленную сковородку, высыпала нарезанную картошку. Сковорода зашипела, зашкварчала.

– Ну вот... А как Егор вернулся с лагеря-то, начал опять золото копать. Тогда решили частникам лотошить – кто с бригадой, кто как... Брат тут по Якуту, по Моготу вначале мыл, один в землянках жил, нелюдимый стал, злой. Потом Янгу забрал, почти что силком, и на Бурпале поселился. Там ведь могилка Улина осталась...

Теперь мне многое стало ясным. Так вот куда отлучался больной старик – на погост. Вот где проводил он время, тайно от нас. Не уехал, не предал свою любимую, и, в конце концов, нашел свое упокоение рядом с ней, каясь, конечно, переживая все это время.

Я высказал свою мысль тетке Марии.

– Так, так, сынок... Правильно думаешь. Молодцы вы вместе с Янгой. Ой, хорошо таперь им будет, на том свете, неразлучно.

Мне хотелось расспросить Марию Егоровну еще о многом, но вошла Янга, шумная счастливая. Она села на кровать и начала расчесывать волосы, промокнув их махровым полотенцем. Взгляд ее был озорной, веселый. Это было долгожданное возвращение в свой родной дом, в свое детство.

– Н-н-н... Ая... Ая-я... Гу-у, - напевала девушка.

Тетка Мария поставила на стол сковороду, нарезала белый хлеб, положила на тарелку соленые грузди.

– Ну, давайте ужинать. Может тебе рюмочку налить, сынок?

– Я не откажусь... А знаете, тетя Маша, Янга начала слова складывать, новые звуки произносить. Надо ее врачу-логопеду показать. Мне кажется, у нее что-то изменилось в организме после смерти отца. Я заметил.

– Ой, сынок, дал бы Бог, дал бы Бог... Я тоже слышала о таком. Бывает, говорят. Как же, как же, обязательно свожу, тут у нас есть врач хороший... Да вы ешьте, ешьте. Грибочки свежие, картошечка молодая. Закусывай, сынок.

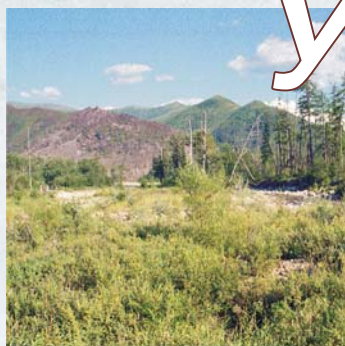
Время пролетело быстро. Пора было уходить. Я поднялся из-за стола.

– Спасибо тетя Маша за вкусный ужин, за прием. Я пойду.

– Да куда ты, милый, на ночь глядя? Оставайся. Я вот тут тебе постелю, на полу. А мы с Янгочкой на кровати. Завтра уедешь. Сейчас все равно машин не будет – ночь на дворе. Я-то знаю. А что будут – все заняты. Утром надобно. Я посажу.

Мария Егоровна была права: ехать в ночь, да еще под хмельком не стоит. Я подумал и решил остаться. Но ночевать у них категорически отказался – пошел в шоферскую.

Прощание



Утром кто-то тронул меня за плечо. Я открыл глаза – передо мной стояла Янга. Глаза ее были грустными, тревожными. Быстро оделся, сполоснул лицо из гремучего умывальника над эмалированным тазиком, взял рюкзак и мы пошли в столовую. На дворе кружила метель. Столовая в Нагорном – это как европейское кафе за рубежом – сюда можно было зайти в любое время, посидеть на стуле, выпить стакан чая со свежей булочкой, взять щей «на дом», узнать новости поселка и района, поговорить с проезжими шоферами и пассажирами, в общем, это был своеобразный информационный центр. Тетя Маша работала здесь поваром с незапамятных времен. Приготовленные ею оладьи из белой муки высшего сорта, так называемой крупчатки, славились на всю трассу. Много раз проезжал я Нагорный и

всегда угощался горячими, пышными, румяными, три штуки на тарелку, изделиями с ложкой темно-коричневого абрикосового джема. Вот и теперь в столовой стоял знакомый аромат знакомого блюда. Было около восьми часов утра. Посетителей почти не было.

Я поприветствовал Марию Егоровну в раздаточное окошко. Она кивнула на мужчину, сидевшего за столом, накрытым белой скатертью.

– Вот с ним можешь доехать до Чульмана. Сейчас покушает и поедете. Не торопись, он подождет. Я договорилась. А пока вот отведайте моих оладышек.

Мы сели с Янгой за стол перед большой тарелкой с горкой золотистых ноздреватых лепешек. Я с удовольствием съел несколько штук, запивая чаем. Девушка не притронулась к еде. Она, не отрываясь, смотрела на меня, часто вздыхала и шевелила яркими губами.

– Ну, ты что, едешь, нет? – водитель, окончив завтрак, выходил во двор.

– Да, да, еду, сейчас!

Мы встали. И тут Янга бросилась мне на шею. Она обхватила мою голову, прижала к себе, что-то мычала, стонала, дрожала, целовала, била меня в грудь кулачками, потоки слез омывали ее лицо.

– Ну что ты, Янга! Не надо, Янга!

Вдруг она с рыданиями бросилась в дверь и выбежала на улицу. Ошеломленный, я поднял рюкзак и, забыв попрощаться с тетей Машей, медленно вышел к машине. Янги нигде не было видно.

Словно во сне поднялся я в кабину, что-то отвечая на вопросы шофера, не видел, как проехали мост, как поднялись по заснеженный дороге к перевалу, у которого уже намело небольшие сугробы. Очнулся, когда спускались в долину Йенгры, к поселку Золотинка, откуда начинался мой путь к Бурпале и Бруингре пять месяцев назад. Снегопад кончился. Впереди, наматываясь на колеса, стелилась новая, тревожная и неизвестная молодая жизнь....

Алгاما



Прошло 50 лет. Время, как и материя, не исчезает бесследно, оно лишь переходит из одного состояния в другое. Я закончил институт, женился, защитил докторскую диссертацию. И, хотя давно вышел на пенсию, продолжаю работать, пишу научные статьи, книги, преподаю в университете. Жизнь подходит к концу. Увы! Дела сердечные не позволяют, как прежде, ежегодно бывать на полевых работах, ходить в дальние и ближние походы. Последний свой маршрут я совершил летом 2000 года, когда коллеги из Якутска пригласили меня в экспедицию для геоэкологического и инженерно-геокриологического обследования трассы проектируемой железной дороги от ст. Горная на БАМе до Эльги – знаменитого каменноугольного месторождения на юге Якутии. Это те самые, по-прежнему дикие,

незаселенные места, где когда-то кочевал со своей семьей Егор Корякин, где родилась и подросла Янга. Надо ли говорить, с каким нескрываемым удовольствием принял я это предложение, с каким нетерпением проходили сборы.

В начале июля в составе небольшого отряда мерзлотоведов я вылетел на вертолете МИ-8 из Чульмана в верховья реки Алгамы. Небо было затянуто дождевыми облаками, и мы почти два с половиной часа летели над ними, не видя таежных ландшафтов, однако приземлились в точно указанное место (сейчас это возможно, благодаря GPS – прибору космического ориентирования). Вертолет сел на галечниковой косе у небольшого островка, покрытого сомкнутым лиственничным лесом. Здесь уже расположился отряд якутских биологов, которые, как и мы, прибыли несколько часов назад для обследования трассы будущей железной дороги. Вертолет поднялся и улетел. Мы остались среди груды вещей. Не знаю, кто промахнулся – пилоты, начальник нашего или биологического отряда, толь-

ко трасса дороги, откуда нам предстояло начать полевые работы, выходила в долину Алгамы километрах в 10 – 12 ниже по течению реки. Пока разбирались, ориентировались, пошел дождь, поднялась вода. Пришлось трое суток ожидать улучшения погоды.

Разбили лагерь рядом с биологами. Накачали резиновые лодки, развели костры, проверили еще раз снаряжение и оборудование. Вечером под верхним перекатом я поставил сеть, утром принес полтора ведра крупных хариусов и два больших ленка. В сети обнаружил огромные дыры, видимо, прошла крупная рыба, скорее всего – таймень. Давненько мне не приходилось рыбачить столь удачно! Добыча явно оживила обитателей палаток.... Днем под мелким морсящим, но теплым дождем пошел обследовать окрестности: поднялся на левый пологий склон долины, поросший мохово-лишайниковым криволесьем, затем вернулся, направился вдоль реки, пересек протоку и углубился в листовенный лес, обрамленный с берега кустами тальника. Что-то привычно знакомое открылось мне в лесу. А-а, да это старая-престарая стоянка оленеводов – вытоптанная ровная поляна, заросшая черничником с едва уловимыми следами кострищ и дымокуров, с шестью, прислоненными к дереву. Я вышел к реке и замер – против меня падали в Алгаму, почти соединяясь, две шумных речки.

– Да, это же Двуустье! Место стоянки Корякина! Неужели? ... Не может быть!... А почему не может?

С волнением открыл планшет, стал изучать топографическую карту. Так и есть – вот изгиб реки, вот речки Колбочи и Гарингда, вот Чапа, по которой вводили молодого парня в Бомнак. А вот тропа с Нуямки и широкая долина Чакатая, где паслись олени молодой семьи. Отсюда по цепочке наледных полян через пологий перевал легко попасть на Тарыннах – основную зимнюю базу Егора Даниловича. Ну что ж! Знать, угодно судьбе привести меня именно в то место, где стоял когда-то последний табор моего старого, доброго знакомого Корякина. Отсюда, вот с этой лесной поляны, побросав нехитрые пожитки, спешно уходил он со своими оленями, женой и дочкой от преследования коварного и злого человека. Здесь разыгрались первые драматические события моей таежной повести, окончившиеся так печально на заброшенном прииске Бурпала.

Теперь мне представилась возможность более основательно представить условия жизни, маршруты и быт людей, ставших мне когда-то близкими, и не только потому, что мы жили и работали вместе, но и потому, что я сам давно полюбил этот суровый край, эти безбрежные просторы, манящие и пугающие, загадочные и понятные с детских времен.

Ожидание всегда утомительно, и когда серые облака поднялись вверх, а дождь перестал, мы решили начать сплав, не дожидаясь спада воды. Должен заметить, что долина Алгамы, притока Учюра, здесь меняет свое направление с западного на северо-северо-восточное, и начинает врезаться в один из субширотных массивов Станового хребта. Мандрирующее по заболоченной высокой равнине русло реки, приняв притоки Бодис-Мокит, Аририкуту и Чакатаю, становится полноводным, порожистым, а местами и опасным. Среди нас были разные специалисты – теплофизик (начальник отряда), гидрогеолог, ландшафтовед, археолог и другие, но, судя по моим наблюдениям, все они, в том числе и наши соседи-биологи из Якутска, не имели опыта плавания по горным рекам. Это было видно, в частности, по тому, как ученые загрузили лодки, как устроились на сиденьях, как пытались управлять своими плавсредствами на шиверах и перекатах. Опасения в их способностях быть капитанами речных судов, увы, оправдались на первых же километрах пути – произошло несколько неприятных событий, которые я не буду описывать, но которые насторожили путешественников и заставили обратить внимание на мои советы и экипировку. Мне же сплав по бурной Алгаме (около 70 км) доставил истинное удовольствие. Уверяю Вас, уважаемый читатель, я не рисковал и не бравировал, просто использовал опыт, накопленный на реках Алдане, Тимптоне, Зее, Уде, Китое и других водотоках. Чего стоит Гилую, где мне в 1955 году удалось пройти на плоскодонке 78 порогов с такими грозными названиями, как Тюмень горло, Пушкарь, Людоед, Чертова Печка и др. (ныне эти пороги затоплены Зейским водохранилищем)!

В пути было несколько эксцессов, но, в конце концов, наша флотилия из 8 лодок благополучно прошла намеченный маршрут и достигла того пункта, где трасса проектируемой дороги поворачивает на восток и следует до месторождения вдоль Токинского Становика – самого высокого и самого сложного горного сооружения на юге Якутии.

Конечно, при всяком удобном случае я пытался найти угодья и следы пребывания семьи Корякина. И находил их. Может быть, они принадлежали и не этим людям, а более поздним обитателям – ведь прошло почти полвека, но мне хотелось верить, что оставлены они именно ими. Так, в полукилометре от устья Артыка (верхнего) я встретил следы старых порубок и старую охотничью избушку, накрытую корьем. Рядом, в каменных развалах были спрятаны «вещи» хозяина – ржавые капканы, дырявый таз, помятое жестяное ведро и пр. В долинах Горунчи и Сивака обнаружил несколько почти сгнивших черканов (*нярига*), пасти-ловушки (*нангу*), какими пользовались охотники-эвенки в давние времена. В устьевой части Тарыннаха, в густом лиственничном зеленомошном лесу стоял лабаз (*нэку*) на четырех срубленных деревьях. Когда-то он был защищен от дождя и снега пластами древесной коры, но теперь крыша обвалилась, раскрошилась; на толстых рубленных жердях лежали уже не пригодные для употребления предметы: два оленьих седла – верховое (*нэмэ*) и вьючное (*эмэгэн*), остатки легкой нарты (*тэгэк*), старая лучковая пила (*хувун*), лыжи с обрывками подклеенного меха (*кинглэ*), куски берестяного покрытия для чума, а под ними сопревшая меховая одежда, среди которой я узнал детское меховое пальтишко с зашитыми рукавами (*хукумактэ*). Тут же нашел пищалку (*пичавун*), сделанную из бересты. Ею пользовались для приманки кабарги. В те годы оставленные в тайге вещи никто и никогда не трогал – это был священный закон. И горе тому, кто его нарушит.

Река Тарыннаха при впадении в Алгаму делится на два рукава с крутыми обрывистыми берегами, которые ограничивают елово-березово-лиственничный лес с разнотравной поляной, открытой к главной реке. Над поляной поднимались кусты жимолости, изнемогающие под тяжестью спелой, сочной, продолговатой ягоды, собранной в гроздь по 5 – 6 штук. Здесь мы поставили палатки и жили двое суток, наслаждаясь великолепной погодой и живописной местностью. От устья и до верховьев дно долины Тарыннаха представляет собой почти непрерывную наледную поляну, что оправдывает название реки: тарын по-якутски – «наледь». Маршрут вверх по долине принес мне новые впечатления. Я обнаружил несколько старых, едва приметных оленеводческих стоянок и еще один полностью разрушенный лабаз (*колобо*), около которого на обрубленном сучке дерева висела развалившаяся мордушка для ловли хариусов (*кэнгэр*). Мне живо представилась картина свободной, счастливой жизни семьи Корякина: яркое весеннее солнце, конический чум на фоне дальней наледи и заснеженных гор, фигуры пасущихся оленей и оленят, маленькая девочка, бросающая камушки в прозрачную воду ручья и молодая красивая женщина у костра, которой любитесь степенный молодой хозяин здешних мест в ситцевой цветной рубашке, сидящий на краю лабаза. Что может быть прекрасней молодости и здоровья среди девственной нетронутой природы?!

Смешанное чувство грусти и наслаждения овладело мной. Я долго сидел на упавшем дереве, обозревая пространство и время. И был счастлив от того, что спустя многие-многие годы мне все же удалось побывать в краю светлых чистых отношений молодых людей, увидеть не во сне, не виртуально, а наяву их реальный мир любви, заботы и мечты, их обитель. Я мысленно попрощался с душами своих героев, которые, уверен, нашли свое вечное пристанище именно здесь, на благословенной Алгаме (*Алга-ми* в переводе с эвенкийского означает «благословение», «солнечная»).

Утром мы отправились дальше и вскоре прибыли в основной лагерь экспедиции, где стоял наш головной отряд. В отряде был старенький вездеход ГАЗ-71, видимо, списанный, но восстановленный рачительным хозяином. Его пригнал сюда за три сотни километров по автозимнику веселый живой мужчина по фамилии Корякин, чтобы обеспечить работу ученых. Внешне водитель смахивал на забайкальского казака. Вездеход использовался для доставки груза, буровой техники и сухих дров. Помогал вездеходчику его сын

Петя – любознательный подросток лет четырнадцати-пятнадцати. Что-то ёкнуло у меня в груди при виде их, но я вскоре забыл об этом – мало ли на белом свете Корякиных?

Лагерь расположился на невысоком берегу реки, поросшем лиственничным редколесьем, сильно заболоченном. Невдалеке за ним поднималась сухая песчаная грядка с соснами и кустами даурского рододендрона. Вдоль нее бежал и затем круто поворачивал к Алгаме небольшой желтый ручей, вытекающий из зарастающей озерной котловины. У озера над рекой возвышался крутой и высокий песчаный обрыв, с которого просматривались убегающие на север таежные дали. Мой срок пребывания на полевых работах заканчивался. Шли дожди, вертолета все не было, и я уже много дней жил в тревоге и ожидании. Темно-серое небо казалось гигантским, мохнатым зверем, которое ползло на северо-запад, опираясь на вершины гольцов, то поднимаясь, то приседая над остывшей, мокрой землей. В этом бесконечном и жутком движении угадывалась неукротимая космическая сила, не подвластная никому, даже Богу, и мы, люди, находящиеся под его необъятным туловищем, освященные своим мнимым величием, выглядели мельчайшими песчинками Мироздания, ничего не значащие и никому не нужные. Грустные мысли угнетали сознание, не давали сосредоточиться, обрести уверенность в завтрашнем дне.

Чтобы разогнать тоску, я вызвался поехать на заготовку дров. Гусеницы машины были старые, сильно изношены. Соединяющие траки металлические стержни стали тонкими, не имели зажимных колец и постоянно вылазили из своих гнезд. Время от времени водитель брал кувалду и загонял их на свое место – процесс нудный и утомительный. Где-то мы просмотрели опасный момент – один из стержней (их называют пальцами) выпал, и машина «разулась»: гусеница растянулась в мочажине, в самом неподходящем месте. Предстояло натянуть ее, копаясь в разжиженной торфяной массе, поставить на прежнее место, соединив другим стержнем. Вездеходчик, удерживая траки на катках, обратился ко мне:

– Профессор, достаньте, пожалуйста, пару пальцев в кузове. Там, впереди, ящик у лежанки, под столиком. Да свет зажгите.

Я открыл дверцу, встал на форкоп и проник в темное, дурно пахнущее помещение. Здесь владельцы машины фактически жили все это время, палатку никогда не ставили, да ее, видимо, у них и не было – считали более удобным, практичным спать, отдыхать, питаться в этой своеобразной походной каюте-конуре. Здесь же они хранили запасы продуктов, бензин, смазочные материалы, одежду, запчасти – все то, что необходимо в дальних продолжительных поездках по тайге. Что ж, каждому – свое...

Глаза постепенно привыкли к темноте, и я заметил выключатель, расположенный у задней стенки двигателя. Щелкнул тумблер, и предо мной предстала весьма неприглядная картина – логово моторизованных таежников. Но меня поразило не это – другое. Над столиком с кучей грязной неубранной посуды и остатками пищи висела фотография – та самая фотография, которую я видел когда-то в баночке из-под монпансье. Она была на том же сыромятном ремешке, продернутом в дырочки по бокам картонки, только запактована в прозрачный полиэтиленовый пакет. Вот так сюрприз! Я снял картонку с крючка и поднес к лампочке. Сомнений не было – на фото стояли те самые четыре человека, которых я видел на карточке в Бурпале.

– Володя, а что это у тебя за фотография над столом, интересная такая, – спросил я у водителя, когда мы с большим трудом натянули гусеницу на катки.

– А-а, это дед мой со своими напарниками. От матери осталось. Сказывали, большой рудознатец был.

Я обомлел.

– А ты его не помнишь, что ли? Говоришь так.

– Не-ет, не помню. Где там... Он в тайге помер, за три года до моего рождения.

Что-то оборвалось у меня в груди, потом затоснило и гулко забило в виски. Неужели это сын Янги? Вот так встреча!

Мы нашли и свалили несколько сухих деревьев, зацепили тросом за вершины и притащили в лагерь. Когда вездеход ткнулся в ствол лиственницы и водитель выключил зажигание, я не выдержал:

– А родители то твои живы?
– Что Вы! Безродный я, почти... Отца знать не знал, а мать померла от чахотки, когда мне два годика было. Материна тетка меня рстила, Мария... А вы почему спрашиваете-то?

– Да знавал я твоего дедушку Егора Данилыча. Более того – хоронил я его. И маму твою, Янгу хорошо помню...

И я поведал Корякину грустную историю о великой любви его предков, рассказал о тех светлых, далеких днях, что провели мы вместе с его матерью в заброшенном таежном прииске Бурлала.

На следующий день выдалась прекрасная погода. Промытый дождями воздух раздвинул кривые горизонты. Небо сияло голубишной, дышало свежестью, было прохладно, тихо и благостно: в кустах багульника возился шмель, порхали бабочки, вдоль затопленного берега реки бегали, кричали кулички. Грудь наполнялась ароматом хвои и трав. Дышалось легко, свободно. Я сидел на краю берегового обрыва и слушал, как вода с легким шорохом перебирает камушки. За рекой кричала кедровка – к-ррр, а над таежным простором привычно кликали вроны....

После обеда я подошел к вездеходчику:

– Володя, а ты мог бы дать мне на время ту фотографию, с Егором Даниловичем? Я сканирую ее, и оригинал вышлю в твой адрес.

– Да нет проблем. Сейчас принесу. Только верните, пожалуйста. Единственная память от деда...

– Вот и прекрасно! Знал, что не откажешь.

Снимок принес Петя, его сын. Закидал меня вопросами.

– Дедушка, а Вы на каком сканере копию будете делать? С каким разрешением? Какой у вас компьютер? А программа «Photoshop» у Вас есть? А DVD-юшка?...

Да-а... Другое поколение – иные заботы. Жизнь не стоит на месте.

Домой



Ближе к вечеру пришел вертолет МИ-8. Вместе со мной улетала группа сотрудников Института мерзлотоведения СО РАН – надо было срочно готовить заказчику оперативный отчет о выполненных работах. Мы попрощались с товарищами, поднялись по крутой лесенке в салон винтокрылой машины. Настроение полевика-геолога, возвращающегося домой неопишимо. Кто не знает щемящего чувства тревоги и радости одновременно накануне желанных встреч. Но не только это волновало меня. Вертолет шел на запад, к заходящему солнцу, вдоль старой зимней дороги, по которой не раз проезжал на оленях мой отец. Да и мне приходилось неоднократно пересекать этот путь. На изломе маршрута, там, где вертолет должен скоро повернуть на север и направиться к устью Горбылааха, находилось место моей первой геологической практики, старый приисковый полигон, где мне встретила Янга, где я провел почти полгода в трудах и заботах. На подлете я прошел в кабину пилотов и попросил командира сбросить высоту. Уж очень хотелось, хотя бы на миг вернуться в прошлое, увидеть обрывок террасы с прахом неизвестного копача, его любимой жены и подруги Ули, остановить мгновение, побывать в далеком прошлом... Увы! Ничего не осталось от старой избы, от прежних строений, отвалов, шурфов... Только мокрый пушицевый луг среди чахлах кривых лиственниц указывал на то, что когда-то здесь жили люди.